

Устройство быта крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ

Калишекою комиссіею по крестьянскимъ дѣламъ въ 1865—
1870 годахъ.

Варшава въ 1866 году.

Въ июнѣ 1866 года, я ѣхалъ по С.-Петербурго - Варшавской желѣзной дорогѣ въ г. Варшаву для поступленія на службу въ Учредительный Комитетъ по дѣламъ Царства Польскаго. Въ это время польское возстаніе было уже почти погашено. Съ 19 февраля 1864 года приступлено было къ полному переустройству всего быта Царства Польскаго, и я былъ зачисленъ въ составъ Учредительнаго Комитета для службы по крестьянскому дѣлу. Въ крестьянскомъ дѣлѣ я былъ не новичекъ. Я прослужилъ три года въ мировыхъ учрежденіяхъ Смоленской губерніи, затѣмъ два года былъ предѣдателемъ Повѣрочной Комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ въ Минской губерніи. Я ѣхалъ въ Варшаву изъ Минской губерніи, гдѣ я оставилъ службу, разочарованный въ возможности вести тамъ дѣло въ русскомъ духѣ. Въ Северо-Западномъ краѣ повился Потаповъ, и русское направленіе преслѣдовалось; чиновники съ такимъ русскимъ духомъ подвергались гоненіямъ. Нѣкоторые изъ моихъ сослуживцевъ по Минской губерніи, ранѣе меня перешедшіе на службу въ Учредительный Комитетъ, писали мнѣ, что тамъ дѣло идетъ разумно, честно. Нѣсколько недѣль назадъ, въ Петербургѣ, я представлялся Н. А. Милютину, руководителю всего преобразования Царства Польскаго, слышалъ отъ него, къ чему стремится Учредительный Комитетъ, и потому, ѣдучи въ Варшаву, я былъ убѣжденъ, что мнѣ предстоитъ разумный, толковый, русскій

трудъ. Болѣе всего меня плѣняла надежда работать подъ руководствомъ такихъ общепочитаемыхъ, извѣстныхъ дѣятелей, какъ Н. А. Милютинъ, князь Черкасскій, Яковъ Александровичъ Соловьевъ, Юрій Федоровичъ Самаринъ, сенаторъ Арцимовичъ, Кошелевъ,—составлявшихъ Учредительный Комитетъ.

Въ Минской губерніи, откуда я ѣхалъ теперь, я пережилъ жаркое время польскаго возстанія. Я близко ознакомился тамъ съ полонизмомъ, привыкъ бороться съ нимъ, но я вовсе не зналъ Варшавы, никогда не бывалъ въ Польшѣ. На дорогѣ, по которой я ѣхалъ теперь отъ Вильны, продолжалась та же печальная Бѣлорусская картина и жизнь, къ которымъ и привыкъ, живя два года въ Минской губерніи. Нахмуренныя лица поляковъ, вынужденный разговоръ по-русски, осторожное обращеніе со всякимъ лицомъ, говорящимъ по-русски, особенно если онъ военный, или у него на фуражкѣ кокарда. На самой границѣ Царства Польскаго, у рѣки стоитъ желѣзнодорожная станція Лапы. Съ вѣздомъ на эту станцію, картина сразу перемѣнилась; здѣсь полонизмъ былъ у себя дома и не стѣснялся проявлять себя. Это была первоклассная, большая станція; остановка была продолжительная, полчаса, такъ какъ предполагался обѣдъ пассажировъ. Типъ зданія станціи былъ тотъ же, что у всѣхъ большихъ станцій С.-Петербурго-Варшавской желѣзной дороги, какъ въ Вильнѣ, Псковѣ; но обстановка была иная. Прислуга вся польская, не во фракахъ, а въ ту-журкахъ, съ зелеными фартуками; при буфетѣ прикащица-полька, щеголеватая, кокетливая и веутомимо трещавшая по-польски; прислуга вся говорила по-польски, но съ нами, москалями, снисходительно объяснялась на половину русскими словами, на половину знаками. Кушанья приготовлены все на польскій вкусъ: борщъ, зеленныя щи съ уксусомъ, даже пирожки на свиномъ салѣ, хлѣбъ съ толстой, грубой коркой. Пиво подавалось не бутылками, а кружками; расчетъ не на рубль и копѣйку, а на злоты и гроши. Продѣлавъ все это и очень не вкусно пообедавъ, я вышелъ на платформу станціи. Тамъ стояла простая публика, крестьяне, евреи, шляхта. Я первый разъ видѣлъ польскаго крестьянина, внимательно взглядывался въ него. Здѣсь, на самой границѣ Россіи, типъ ихъ сильно подходилъ къ Бѣлорусскому, тутъ вѣдь еще иѣтъ настоящихъ поляковъ, мазуровъ. Тѣ же Бѣлорусскія нахмуренныя лица, тотъ же взглядъ исподлобья, неравговорчивость, отвѣтъ односложнымъ словомъ, или кивкомъ головы. Когда повѣздъ

тронулся, я всматривался въ окружающую мѣстность; она сильно намѣнилась: сплошь ровная, безъ лѣсовъ и холмовъ; однѣ пашни, безконечныя крестьянскія поляны; частыя деревни, фольварки, но все небольшіе: деревни дворовъ въ десять—пятнадцать; постройки немногочисленныя, небогатыя; скотъ на пастбищахъ мелкій, тощій; овцы не крупныя, пекавистыя, пахутъ на волахъ, изрѣдка видны лошади. Видно вообще, что сторона не богатая; но поля обработаны какъ будто потщательнѣе, чѣмъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи.

До Лапъ мы ѣхали свободно, въ полупустыхъ вагонахъ. Съ приближеніемъ къ Варшавѣ, стали набираться пассажиры. На каждой станціи они подсаживались; и все поляки, тоже на видъ, люди не богатые, но одѣты чисто. Типъ одежды иной, на заграничный ладъ. Меня поражала ихъ жизнерадостность, болтливость; это представляло рѣзкую противоположность съ сдержанностью престопаго, публики III класса. Что они говорили, я не понималъ, потому что разговоръ шелъ исключительно по-польски, и говорили такъ быстро, что я не могъ уловить ни одного отдѣльнаго слова.

На послѣднихъ станціяхъ мы сидѣли уже очень тѣсно; и появились нарядныя дачницы, варшавянка, передъ которыми разсыпались въ любезностяхъ папы и усиленно расточали слова „панн“, „панна“, черезъ два слова. Ужасно чуждо, странно было мнѣ все это. Вотъ наконецъ мы подъѣзжаемъ къ Варшавѣ. Кондукторъ предупреждаетъ пассажировъ, что предстоитъ осмотръ паспортовъ, и проситъ публику не выходить изъ вагоновъ по остановкѣ поѣзда, пока не будутъ осмотрѣны паспорта ихъ. Мало того, уходя онъ запираетъ вагонъ на ключъ; мы сидимъ подъ арестомъ. Окружающая меня польская публика относится къ этому равнодушно, какъ къ извѣстному ей обычаю, и продолжаетъ безпечно болтать по-польски. Когда поѣздъ остановился наконецъ передъ вокзаломъ, я увидѣлъ на платформѣ множество жандармовъ, полицейскихъ, железнодорожныхъ служащихъ, носильщиковъ, но никакой публики, встрѣчающихъ. Двери съ платформы въ вокзалъ были закрыты, у дверей стоялъ полицейскій караулъ. Въ вагонъ вошелъ жандармскій офицеръ, съ нѣсколькими жандармами, и железнодорожный ревизоръ, который отбиралъ у пассажировъ билеты, а жандармскій офицеръ отбиралъ у насъ паспорта, бѣгло ихъ просматривалъ, ставилъ на нихъ нумеръ, а одинъ изъ шедшихъ за нимъ жандармовъ выдавалъ пассажиру квитанцію за этимъ нумеромъ. Офицеръ объяснилъ, что паспорта будутъ

возвращены намъ немедленно на станціи, по предъявленіи этой квитанціи. Когда все сидѣвшіе въ вагонѣ пассажиры были провѣрены, офицеръ вышелъ на платформу и объявилъ пассажирамъ, что они могутъ перейти въ вокзалъ. Явились носильщики, стали разбирать вещи пассажировъ. На платформѣ мы должны были обождать, пока все пассажиры и носильщики вышли изъ вагона; подъ руководствомъ жандармовъ насъ провели въ вокзалъ. Тамъ, въ залѣ, мы ожидали, пока какіе-то военные писаря прописывали наши паспорта, выдали ихъ намъ, вмѣстѣ съ карточкой на свободный выходъ изъ вокзала въ Варшаву. Вся эта задержка продолжалась довольно долго, около часа.

Когда я вышелъ на крыльцо вокзала, стоявшій тамъ полицейскій вручилъ мнѣ какой-то мѣдный билетъ съ номеромъ и объяснилъ, что по этому номеру и долженъ вызвать извозчика, который отвезетъ меня, куда я прикажу; торговаться съ нимъ не надо, существуетъ такса, извозчикъ обязанъ понимать мой русскій языкъ. Я отдалъ билетъ носильщику; тотъ же указалъ мнѣ, что извозчики стоятъ на площади, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ крыльца, выстроенные въ рядъ; надо подойти къ нимъ, они не смѣютъ подѣвзжать къ крыльцу. Наконецъ, все было исполнено, и я поѣхалъ по Варшавѣ.

Въ настоящее время, рѣдкій изъ образованныхъ русскихъ не бывалъ въ Варшавѣ, или по крайней мѣрѣ не проѣзжалъ черезъ нее; но въ то время, Царство Польское мало посѣщалось, и я въ первый разъ въ жизни пріѣхалъ туда. Все показалось мнѣ тамъ оригинально, все особеннымъ, все по-иностранному, а не по-русски. По совѣту знакомыхъ, я остановился въ Европейской гостиницѣ. За годъ, примѣрно, передъ тѣмъ, кинжалщики народнаго жонда убили кого-то. Гостиница была закрыта и кажется даже конфискована. Недавно ее сдали въ аренду какому-то русскому содержателю, который приспособилъ ее къ русскимъ обычаямъ и держалъ прислугу, которая говорила, или по крайней мѣрѣ понимала, по-русски. Главный входъ въ гостиницу, съ Новаго Свѣта, подъ воротами, былъ закрытъ и самыя ворота заперты. Доступъ въ нее былъ устроенъ изъ бокового входа съ площадки, гдѣ теперь входъ въ ресторанъ. Толстый швейцаръ, кажется нѣмецъ, встрѣтилъ меня, передалъ меня какому-то другому нѣмцу, который и указалъ мнѣ очень опрятный и приличный номеръ. Роскошное яданіе гостиницы, широкіе, свѣтлые коридоры и удобно устроенная комната моя произвели на меня пріятное впечатлѣніе.

Хоти было около 9 часовъ вечера, и убѣдился, вѣдучи съ вокзала, что въ городѣ, на улицахъ, полное оживленіе. Приведя свой дорожный нарядъ въ порядокъ, я послѣшилъ выйти, чтобы познакомиться съ городомъ. Еще при проѣздѣ моемъ съ вокзала, меня поразило оживленіе на улицахъ, множество пѣшеходовъ, экипажей. Вся толпа эта весело толковала, дѣйствовала, была безпечна. Нельзя было подозревать, что недавно на этихъ улицахъ царствовалъ терроръ, убивали людей, господствовала сильнѣйшая революція. Теперь, идя по Новому Свѣту, Краковскому предмѣстью, я видѣлъ богатые, ярко освѣщенные магазины, щеголеватую толпу на тротуарѣ, безпечныя лица, вовзвасы, цѣлыя вереницы нарядныхъ, кокетливыхъ женщинъ. Видно было много кондитерскихъ, передъ которыми были устроены полотняные павѣсы для публки, и тамъ на столикахъ, сидѣли люди, веселые, жизнерадостные. Словомъ, я увидѣлъ уличную жизнь, которая у насъ, въ Россіи, тогда не была известна, да и теперь есть равнѣ только въ Петербургѣ. Меня удивляла противоположность между суровою обстановкою вѣзда пассажировъ въ Варшаву и полною свободою, веселымъ настроеніемъ, господствовавшими въ городѣ. Находявшись до утомленія по улицамъ, я поужиналъ въ ресторанѣ Европейской гостиницы; кухня была тамъ французская, къ которой привыкли мы въ Петербургѣ, въ ресторанахъ Дюссо, Бореля; кушанья изготавлялись прекрасно, прислуга вѣжливая, старалась понимать говорившихъ по-русски. Тутъ я въ первый разъ услышалъ въ Варшавѣ громкій русскій разговоръ, увидѣлъ русскихъ людей. Поляки вовсе не навѣщали ни гостиницу эту, ни ресторанъ. Жители гостиницы были исключительно русскіе; ресторанъ посѣщали только русскіе люди. Видно было, что всѣ эти посѣтители ресторана вѣсь свои, привычныя люди; у каждаго было облюбованное, обсаженное мѣсто. Цѣлый уголь залы былъ занятъ Гродненскими гусарами. Я увидѣлъ между ними нѣсколько знакомыхъ лицъ, которые привѣтствовали меня, подошли къ моему столу и бѣгло посвящали меня въ обычаи и нравы Варшавы. Они рассказали мнѣ, что повстанческія шайки разбиты, главари захвачены, но въ подпольѣ еще гнѣздится революція, правительство строго разыскиваетъ и преслѣдуетъ ихъ. Въ странѣ кое-гдѣ бродятъ еще мелкія шайки повстанцовъ, но для преслѣдованія ихъ не образуются уже особыя отряды. Ихъ преслѣдуютъ войска, расположенныя на мѣстахъ, и безъ особыхъ усилій захватываютъ эти шайки. Веселое настроеніе

улицы, замѣченное мною, они объясняли прирожденною безпечностью и легкомысліемъ и отчасти лицемеріемъ поляковъ. Они необдуманно, легкомысленно затѣяли повстаніе и такъ же переживаютъ теперь разстройство его, но надѣяться на поляковъ, вѣрить имъ невозможно. При малѣйшемъ послабленіи или недогляда, они готовы тотчасъ опять устроить намъ новую Варшавскую ночь. Услышавъ о моемъ назначеніи въ составъ Учредительнаго Комитета, офицеры высказали полное уваженіе къ этому учрежденію и поздравили меня съ честью вступленія туда. Офицеровъ этихъ я зналъ по моей службѣ въ гвардіи; двое изъ нихъ были старослуживые люди, вскадронные командиры, изъ образованнаго Петербургскаго общества; они прошли только-что суровую боевую школу; третій изъ нихъ, молодой поручикъ, ходилъ съ подвязанной рукою, отъ тяжелой раны, нанесенной ему повстанцами въ ручной схваткѣ. Я съ большимъ вниманіемъ слушалъ ихъ, вѣрилъ имъ; четвертый офицеръ, тоже молодой поручикъ, былъ Скобелевъ.

На другой день, рано напившись чаю съ самоваромъ (и этотъ русскій обычай былъ введенъ въ гостилицѣ), я пошелъ развѣсничать своего сослуживца по Мясной губерніи Михаила Борисовича Тургенева. Онъ раньше меня перешелъ на службу въ Учредительный Комитетъ, письмами своими ободрялъ меня къ переходу туда. Это былъ типичный русскій помѣщикъ, изъ образованной, достаточной среды. Бывшій членъ Самарскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, онъ прослужилъ недолго членомъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія въ Минскѣ. Почувствовавъ себя тамъ не ко двору, и по большимъ связямъ своимъ, легко былъ принятъ въ Учредительный Комитетъ. Я нашелъ его въ Римской гостилицѣ. Безпечный добрякъ-баринъ, онъ былъ еще въ постели, обрадовался мнѣ и тотчасъ сталъ посвящать меня въ порядки, царствующіе въ Учредительномъ Комитетѣ. Онъ указывалъ мнѣ, какъ я долженъ приступить къ дѣлу, кому явиться. По его настоянію я тотчасъ отправился домой, переоделся въ вицъ-мундиръ и пошелъ въ Канцелярію Учредительнаго Комитета; канцелярія эта помѣщалась въ роскошномъ Брюловскомъ дворцѣ. Тамъ я очутился какъ дома; знакомые нравы, даже знакомыя лица. Въ первой же комнатѣ меня увидѣлъ Давыдовъ, рославльскій помѣщикъ и мировой посредникъ; теперь онъ былъ дѣлопроизводителемъ въ Учредительномъ Комитетѣ. Онъ подошелъ ко мнѣ, привѣтствовалъ меня, познакомилъ съ лицами бывшими въ этой ялѣ. Онъ тотчасъ направилъ меня къ ди-

ректору канцеляріи Бѣлозерскому. Я зналъ Бѣлозерскаго по Петербургу, встрѣчалъ его въ литературномъ мірѣ. Онъ вспомнилъ наше знакомство. Это былъ образованный человѣкъ, литераторъ, либераль до мозга костей, хохломанъ, молившійся на Шевченку, признававшій Гоголя величайшимъ на свѣтѣ писателемъ; замѣчательно добрый, даже простодушный и простой въ обращеніи. Онъ сказалъ, что вспомнилъ меня, какъ только получилъ докладную записку мою о переводѣ меня въ Учредительный Комитетъ; увѣрилъ меня, что я почувствую себя тутъ хорошо, и совѣтовалъ сейчасъ же представиться Якову Александровичу Соловьеву, завѣдующему дѣлами Учредительнаго Комитета и личнымъ составомъ служащихъ по крестьянскому дѣлу, отъ него единственно зависить дальнѣйшее назначеніе мое.

Якова Александровича Соловьева я зналъ, какъ бывшаго управляющаго Земскимъ Отдѣломъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Во время службы моею мировымъ учрежденіемъ Смоленской губерніи, я являлся къ нему разъ по дѣлу. Въ пріемной его все было очень просто; не было никакого дежурнаго чиновника; только курьеръ, который сказалъ мнѣ, что генераль сейчасъ выйдетъ въ пріемную; не нужно никакого доклада, ни записки. Генераль самъ спроситъ: кто я и что мнѣ нужно. Дѣйствительно, не прошло и десяти минутъ, Соловьевъ вошелъ въ пріемную, сдѣлавъ общій поклонъ и подошелъ къ ближе стоявшему лицу. Это былъ комиссаръ, извѣстный ему, и онъ, не допустивъ его до обыкновенныхъ фразъ представленія, тотчасъ заговорилъ съ нимъ о дѣлѣ, выслушалъ его, далъ ему краткія указанія и отпустилъ его. Другія лица также были извѣстны ему; послѣ краткихъ собесѣдованій, онъ распрощался съ ними. Наконецъ, онъ подошелъ ко мнѣ. Я назвалъ себя. Онъ протянулъ мнѣ руку и сказалъ, что помнитъ меня какъ Смоленскаго мирового посредника, что Н. А. Милютинъ рекомендовалъ ему меня, и что онъ очень охотно зачислилъ меня въ число лицъ, состоящихъ при Учредительномъ Комитетѣ. Для перваго начала, онъ рекомендовалъ мнѣ взять у Бѣлозерскаго постановленія Учредительнаго Комитета, Высочайшіе указы 19 февраля 1864 г. и изучить ихъ. Онъ совѣтовалъ мнѣ посѣщать засѣданія Центральной по крестьянскимъ дѣламъ Комиссіи, прислушиваться къ разсматриваемымъ тамъ дѣламъ; а черезъ недѣлю, когда я осмотрюсь, онъ сдѣлаетъ распоряженіе о дальнѣйшихъ моихъ запискахъ. Все сказанное Соловьевымъ

было такъ ясно, логично, что ниѣ оставалось только буквально исполнить его указанія.

Яковъ Александровичъ Соловьевъ былъ замѣчательный человекъ. Если не ошибаюсь, онъ кончилъ курсъ Московскаго университета и затѣмъ посвятилъ себя чиновничьей службѣ. Это былъ великій труженикъ, неутомимый работникъ, до педантизма точный, неуклонно шедшій избраннымъ имъ путемъ, съ котораго не могли сдвинуть его ни дружба, ни выгоды.

Это былъ рѣдкій знатокъ крестьянскаго дѣла. Прослуживъ въ Самарѣ председателемъ Палаты Государственныхъ Имуществъ, онъ былъ привлеченъ къ занятіямъ ея Редакціонной Комиссіи. Какъ выдающійся знатокъ крестьянскаго дѣла, получилъ назначеніе Управляющаго крестьянскимъ дѣломъ. Его твердая воля, несогласіе уклониться отъ требованій и указаній Положенія 19 февраля 1861 г. ради просьбъ и выгодъ великихъ міра сего, доставили ему много неприятностей, и онъ очень охотно согласился принять предложеніе Н. А. Милютина заняться приведеніемъ въ дѣйствіе Высочайшихъ указовъ 19 февраля 1863 года.

Я прослужилъ подъ его начальствомъ нѣсколько лѣтъ, близко узналъ его и считаю себя въ правѣ высказать о немъ свое мнѣніе. Назначеніе его завѣдывающимъ крестьянскимъ дѣломъ въ Царствѣ Польскомъ было однимъ изъ наиболѣе удачныхъ распоряженій Милютина. Благодаря желѣзной стойкости Соловьева, его любви къ дѣлу, трудолюбію, рѣдкому знанію крестьянскаго дѣла, оно прошло въ Царствѣ Польскомъ правильно, быстро, безъ какого-либо уклоненія отъ намѣченной цѣли. За эту его неуклонность, его называли *бюрократомъ*; но это была не сухость, не узоръ взгляда, а глубокое знаніе польскаго міровоззрѣнія, просвѣщенная любовь къ обиженному въ Царствѣ Польскомъ крестьянству. Трудовая жизнь, вынесенная имъ борьба сдѣлали его нервнымъ. Въ сношеніяхъ онъ часто бывалъ нервенъ, горячился; но стоило выждать конца его вспышки, спокойно доложить ему еще подробнѣе дѣло, онъ выслушивалъ его и всегда поступалъ правильно, милосердно. Съ польскими просителями онъ облакалъ на себя маску каменнаго человека, ссылался на законъ, и никакія чары польскаго краснорѣчія, красоты просительницъ не уязвляли его стойкость. Со своими подчиненными онъ былъ снисходителенъ, входилъ въ ихъ нужды, но требовалъ работы, преслѣдовалъ легкомысліе.

Въ тотъ же вечеръ я засталъ за изученіе послѣднихъ распоряженій правительства по переустройству Царства Польскаго. До 19 февраля 1864 г. въ Царствѣ Польскомъ оставались нѣкоторые слѣды автономіи, дарованной ему Императоромъ Александромъ I. Закрыты были представительныя палаты, уничтожено польское войско, но общее управленіе краемъ было сохранено прежнее, подъ главенствомъ Намѣстника. Общимъ съ Россіей былъ только военный министръ; министерства внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, юстиціи, народнаго просвѣщенія, путей сообщенія у Царства Польскаго были особыя; дѣла велись по особымъ, польскимъ законамъ; закономъ судебнымъ былъ кодексъ Наполеона I, а не Русское Собраніе Законовъ. Назывались, для приличія и затемненія русскихъ глазъ, эти учрежденія не министерствами, а *Правительственными Комиссіями*. Слово *министръ* вычеркнуто и замѣнено словомъ *управляющій*. Начальники правительственныхъ комиссій были кровные поляки, всѣ чиновники также. Дѣлопроизводство велось на польскомъ языкѣ. У Царства Польскаго былъ свой монетный дворъ, своя монета. Высшее правительственное учрежденіе было „Государственный Совѣтъ Царства Польскаго“; затѣмъ „Совѣтъ Управленія Царства Польскаго“. Не удивительно, что при такомъ самостоятельномъ управленіи, не подлежащемъ ближайшему контролю русскаго правительства, Польша могла безпрепятственно развивать свои сепаративныя и революціонныя стремленія, возможны были періодическія возстанія и войны съ Россіей. Опытъ послѣдняго возстанія обратилъ, наконецъ, вниманіе русскаго правительства на эту отчужденность, и Императоръ Александръ II рѣшился слить окончательно Царство Польское съ Россіей. Первымъ шагомъ для этого былъ Высочайшій Именной Указъ 19 февраля 1864 г. объ устройствѣ крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ, и Высочайшій Именной Указъ того же числа „О порядкѣ введенія въ дѣйствіе новыхъ о крестьянахъ постановленій“. Въ основаніе предпринятыхъ преобразованій быта Царства Польскаго было положено полное освобожденіе крестьянъ царства отъ вліянія пановъ и образованіе Учредительнаго Комитета, которому поручалось постепенное сокращеніе правительственныхъ комиссій, сліяніе ихъ съ министерствами Русской Имперіи, пересмотръ всего настоящаго законодательства Царства Польскаго. Веденіе всего этого дѣла было возложено на статсъ-секретаря Милютина.

Когда я пріѣхалъ въ Варшаву, въ іюні 1866 года, Учредительный Комитетъ существовалъ уже два года; новыя о кре-

стьянахъ постановленія 1864 года вводились дѣлательно. Для этого устроены были комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ, которыя устроили гминное (волостное) крестьянское самоуправленіе, разбирали жалобы крестьянъ на помѣщиковъ, возвращали крестьянамъ отобранныя у нихъ земли, провѣряли представленныя помѣщиками ликвидаціонныя табели (выкупные акты). Открыта была центральная по крестьянскимъ дѣламъ комиссія, которая провѣряла и утверждала рассмотрѣнныя крестьянскими комиссіями ликвидаціонныя табели. Государственный Совѣтъ Царства Польскаго, Совѣтъ Управленія Царствомъ Польскимъ существовали еще, но, можно сказать, существовали номинально; вся законодательная власть перешла къ Учредительному Комитету. Правительствоныя Комитеты тоже существовали, но во главѣ ихъ стояли уже русскіе люди. Начальникомъ правительственной комиссіи внутреннихъ дѣлъ — былъ князь Черкасскій; начальникомъ комиссіи финансовъ — Кошелевъ; начальникомъ комиссіи юстиціи — Арцимовичъ. Веденіе крестьянскаго дѣла и всего дѣла производства Учредительнаго Комитета было поручено Соловьеву. Членами Учредительнаго Комитета были Самаринъ, князь Черкасскій, Кошелевъ, Арцимовичъ, Соловьевъ. Начальникомъ ликвидаціонной комиссіи (выкупное учрежденіе) былъ Брауншвейгъ.

Дня черезъ два, Вѣлозерскій прислалъ мнѣ письменное уведомленіе, что Членъ, завѣдующій дѣлами Учредительнаго Комитета, предлагаетъ мнѣ явиться въ засѣданіе Центральной Комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ; указывалъ, что засѣданія бывають три раза въ недѣлю, и въ какіе именно дни. Въ ближайшее засѣданіе я явился въ Брюловскій дворецъ; тамъ происходили эти засѣданія; предсѣдательствовалъ Я. А. Соловьевъ; членами комиссіи были Тихменевъ, Менгденъ, Трубииковъ, Горловъ. Кромѣ того, по должностямъ своимъ, принимали птней участіе всѣ управляющіе Правительствонными Комиссіями, князь Черкасскій, Кошелевъ, Арцимовичъ.

Центральная Комиссія рассматривала провѣренныя крестьянскими комиссіями ликвидаціонныя табели (выкупные акты); если находила ихъ правильными, утверждала ихъ и препровождала ихъ въ ликвидаціонную комиссію (главное выкупное учрежденіе), которая выплачивала помѣщикамъ опредѣленную Центральною Комиссіею выкупную сумму. Всѣ 14 комиссій по крестьянскимъ дѣламъ распределены были между четырьмя членами Центральной Комиссіи, которые рассматривали ликвидаціонныя табели, присылаемыя изъ порученныхъ имъ Комис-

сий, и докладывали Центральной Комиссии о всѣхъ замѣченныхъ ими неправильностяхъ и особенностяхъ. Для облегченія и ускоренія дѣла, каждому члену Центральной Комиссии было придано на помощь нѣсколько чиновниковъ, которые собственно и провѣряли ликвидационныя таблицы. Наканунѣ засѣданій, эти чиновники докладывали члену Центральной Комиссии, при которомъ состояли, о всѣхъ порученныхъ имъ ликвидационныхъ табеляхъ; тотъ разрѣшалъ замѣченное или оставлялъ затрудняющее его на разрѣшеніе Центральной Комиссии.

Когда я вошелъ въ залу засѣданій, Соловьевъ познакомилъ меня со всѣми членами Комиссии и сказалъ мнѣ, что скоро придется и мнѣ заняться провѣркой ликвидационныхъ табелей, подъ руководствомъ одного изъ членовъ Центральной Комиссии, а потому мнѣ полезно выслушать во все происходящее въ этихъ засѣданіяхъ. Въ это засѣданіе не было возбуждено никакихъ сложныхъ вопросовъ.

Порядокъ докладовъ былъ такой. Подлѣ каждаго члена Центральной Комиссии было свободное кресло, на которое садились по очереди помощники его и докладывали обстоятельства разсматриваемой ликвидационной табели. Членъ Комиссии высказывалъ затѣмъ свое мнѣніе о томъ, подлежитъ ли ликвидационная табель утвержденію. Затѣмъ председательствующій Я. А. Соловьевъ собиралъ мнѣнія присутствующихъ и объявлялъ рѣшеніе.

Всѣ четыре члена Центральной Комиссии служили у себя на родинѣ членами губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ комиссій и тамъ выдвинулись своимъ знаніемъ, разумною дѣятельностью, яснымъ взглядомъ на дѣло. Засѣданія Центральной Комиссии шли спокойно; высказывались сомнѣнія, оспаривались нѣкоторыя положенія; но возраженія дѣлались такъ спокойно, основательно, обдуманно, что были невозможны споры. Въ теченіе пяти лѣтъ моей службы по крестьянскому дѣлу я участвовалъ въ нѣсколькихъ стахъ засѣданіяхъ, но въ первый разъ пришлось мнѣ здѣсь убѣдиться въ возможности такого правильнаго, дѣловаго засѣданія. На слѣдующихъ засѣданіяхъ разрѣшались очень серьезные, сложные вопросы, на одномъ изъ нихъ два или три члена долго высказывали свои разногласящія мнѣнія. Я услышалъ цѣлую лекцію по этому спорному вопросу, читанную такими выдающимися вѣтоками дѣла, какъ Соловьевъ, кн. Черкасскій. Со всякаго засѣданія я уходилъ съ большимъ и большимъ уваженіемъ къ членамъ Комиссии, съ сознаніемъ, что крестьянское дѣло поставлено здѣсь гу-

манно, но безъ сентиментальности и безъ дешеваго либеральничанья; руководители относятся къ дѣлу серьезно, много думали, работали и идутъ прямымъ путемъ, безъ шатаній и колебаній.

Черезъ недѣлю Соловьевъ подовзвалъ меня къ себѣ въ концѣ засѣданія и сказалъ стоявшему подле него Горлову: „Примите Г. Полевого въ число помощниковъ вашихъ и поручите ему разсмотрѣнiе ликвидаціонныхъ таблицъ. Надѣюсь услышать вашъ докладъ въ слѣдующее засѣданіе!“ — добавилъ онъ, обратясь ко мнѣ. Такъ началась моя работа въ Царствѣ Польскомъ.

Михаилъ Павловичъ Горловъ, если память не измѣняетъ мнѣ, казанскій помѣщикъ, членъ тамошняго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, былъ серьезный дѣловой человекъ. Очень добрый, ласковый и всегда задумчивый. За много лѣтъ работы съ нимъ, я, кажется, никогда не видѣлъ его смѣющимся. Всегда одинаково ровный, дѣловой, мягкій, онъ много если улыбнется. Лучшаго и болѣе пріятнаго руководителя я не могъ пожелать себѣ. Передавая мнѣ на другой день, у себя на квартирѣ, нѣсколько ликвидаціонныхъ таблицъ, онъ одну изъ нихъ тутъ же, со мною, повѣрилъ, чтобы показать мнѣ, на что надо обращать вниманіе, какъ дѣлать замѣтки, какъ и что докладывать въ засѣданіи. На другой день я принесъ ему провѣренныя мною таблицы, доложилъ ему все замѣченное. Онъ самъ еще разъ просмотрѣлъ эти таблицы, чтобы убѣдиться, что я не пропустилъ что-нибудь, дополнилъ и исправилъ мои замѣтки. На слѣдующій день я благополучно сдѣлалъ первый докладъ свой въ Центральной Комиссіи. Съ тѣхъ поръ я погружился въ работу; утромъ я былъ занятъ у Горлова или въ Центральной Комиссіи; вечеромъ сидѣлъ дома, просматривалъ ликвидаціонныя таблицы, подготовляемыя къ докладу. Такъ продолжалось два мѣсяца.

Несмотря на то, что я много работалъ, я находилъ время бывать въ обществѣ. Я нашелъ въ Варшавѣ много знакомыхъ и даже близкаго родственника, двоюроднаго брата моего Сергѣя Николаевича Поленого, полковника 2-го гвардейскаго стрѣлковаго батальона. Нѣсколько лѣтъ назадъ, стрѣлковыи батальонъ этотъ, въ составѣ третьей гвардейской пѣхотной дивизіи, перемѣщенъ былъ изъ Петербурга въ Варшаву. Мы съ малолѣтства были съ нимъ очень близки. Это былъ веселый, жизнерадостный гвардейскій офицеръ, свѣтскій человекъ, танцоръ, острякъ, добрякъ. Отъ перваго встрѣченнаго мною офицера 2-го стрѣлковаго батальона я узналъ адресъ квартиры брата

моего, и въ первый же день, вечеромъ, пошелъ навѣстить его. Онъ жилъ на хорошей улицѣ; я быстро отыскалъ номеръ дома его, вошелъ по парадной лѣстницѣ во второй этажъ, какъ мнѣ указалъ офицеръ, и увидѣлъ на дверяхъ мѣдную дощечку съ фамиліей брата. Я позволилъ; дверь отворялъ денщикъ, служившій у брата еще въ Петербургѣ, узналъ меня, ахнулъ и, не говоря ни слова, убѣжалъ во внутреннія комнаты. Раздались восклицанія, и Сергѣй Николаевичъ выбѣжалъ въ переднюю съ восклицаніемъ: „Николай! какъ попалъ ты сюда?“ обнялъ меня. „Ты знаешь, я женатъ; пойдѣмъ къ женѣ!“ Онъ съ годъ назадъ женился въ Варшавѣ, и я не былъ еще никакъ его женою. Я засталъ ее въ столовой, за самоваромъ; она шла ко мнѣ навстрѣчу, со словами: „Знаю васъ по рассказамъ Сережи! видите, какъ онъ обрадовался вамъ!“ За столомъ сидѣли мать Блаватская и сестра Наташа. Молодая жена Сергѣя Николаевича была красавица въ полномъ смыслѣ слова, русская, родившаяся въ Варшавѣ и проводившая тамъ большую часть своей жизни. Отецъ ея служилъ при князѣ Паскевичѣ. Разговоръ тотчасъ пошелъ искренній, полный разспросовъ, рассказовъ. Я просидѣлъ у нихъ до полуночи и ушелъ какъ старый знакомый, унося настойчивое приглашеніе всякій день приходить обѣдать у нихъ. Я дѣйствительно почти всякій день бывалъ у нихъ и изрѣдка обѣдалъ. Я чувствовалъ себя тамъ хорошо, въ семьѣ.

Въ Варшавѣ стояла третья легкая батарея гвардейской конной артиллеріи. Это были мои ближайшіе товарищи. Батареей командовалъ недавно Бревернъ, съ которымъ я былъ очень друженъ; въ батареѣ были пріятные мнѣ офицеры князь Вадбольскій, Ермоловъ. Я часто прѣзжалъ къ нимъ въ Лавенки, обѣдалъ съ ними, проводилъ весь вечеръ. У Бреверна я встрѣчалъ Имеретинскаго, тогда еще молодого полковника, впоследствии намѣстника въ Царствѣ Польскомъ, и много образованныхъ людей.

Я встрѣтилъ въ Варшавѣ нѣсколько смоленскихъ помѣщиковъ; въ томъ числѣ особенно милаго мнѣ Карцева, сосѣда моего, предводителя дворянства Юхновскаго уѣзда. Онъ прослужилъ годъ предсѣдателемъ крестьянской комиссіи въ Ломжѣ и занималъ теперь въ Варшавѣ мѣсто члена ликвидационной комиссіи, почетное, хорошо оплачиваемое. Это былъ очень образованный человекъ, умный, мягкій. Жена его, красивая, умная женщина, очень бойкая и живая, была очень пріятная и радушная хозяйка дома; я охотно навѣщалъ ихъ. У нихъ

сталкивался я съ членами Учредительнаго Комитета и вообще съ многими высокопоставленными людьми. Общество всегда было оживленное; бесѣда интересная, много говорилъ, въ карты не играли.

Варшавская жизнь мнѣ очень интересовала. Я изучалъ ее на улицѣ, въ магазинахъ, кондитерскихъ, театрахъ. Въ польскомъ обществѣ я конечно не бывалъ. Служебное мое положеніе было хорошо; получалъ около 200 рублей жалованья въ мѣсяцъ, занятія мои были неответственны. Мы уговорились съ Михаиломъ Борисовичемъ Тургеневымъ нанять общую квартиру, устроились прекрасно. Это былъ очень пріятный сожитель; онъ взялся вести наше хозяйство. У насъ былъ прекрасный домашній столъ, у каждаго своя большая комната, общая чистая комната. Мы жили около Саксонскаго сада, въ хорошей части города. Кромѣ знакомыхъ, я изрѣдка посѣщалъ Русское Собраніе, гдѣ принять былъ въ число членовъ. Собраніе помѣщалось въ домѣ графа Замойскаго, недавно конфискованномъ за то, что изъ него стрѣляли въ намѣстника графа Берга. Собранію отведено было тамъ обширное, роскошное помѣщеніе, съ садомъ; оно было обставлено очень хорошо. Ежедневно тамъ можно было обѣдать, не дорого, но хорошо; въ библиотекѣ было много журналовъ, газетъ. Вечеромъ играли въ карты, но тихо, прилично; собраніе посѣщалось охотно. Хозяиномъ клуба былъ старичекъ, Левшинъ, очень добродушный, но державшій свое хозяйство въ большомъ порядкѣ. Въ опредѣленный день, каждую недѣлю, собирались къ обѣду въ собраніе все русское общество, лучшіе русскіе люди Варшавы, было весело, оживленно. Тамъ я могъ видѣть и слышать всѣхъ выдающихся людей Варшавы, отъ намѣстника Берга до знаменитаго шахматиста Петрова, владѣльца майората въ Польшѣ. Послѣ обѣда онъ всегда усаживался играть въ шахматы, и я съ любопытствомъ слѣдилъ за его игрою. Зимой въ собраніи бывали концерты, балы, куда русскія дамы являлись очень охотно и очень нарядныя. Поляки никогда не посѣщали это собраніе, даже въ видѣ гостей.

Изъ общественныхъ варшавскихъ развлеченій русскимъ людямъ были доступны Швейцарская долина, общественный садъ и театры. Швейцарская долина посѣщалась очень охотно русскимъ обществомъ. Тамъ всякій вечеръ игралъ очень хорошій оркестръ изъ Берлина; не помню фамиліи дирижера. Это былъ добросовѣстный нѣмецъ, который аккуратно, чистенько исполнялъ нѣмецкую музыку. Въ саду, какъ и теперь, былъ ресторанъ. Русская публика не ѣла и не пила тамъ, не знаю

почему. Брали порцію мороженого, пили сельтерскую и содовую воду, чтобы оплатить какъ-нибудь мѣсто, занятое у столика. Входная плата въ садъ была ничтожная. Сюда являлись и поляки средняго сословія; они приходили семьями, пьютъ всюю семьею чай, ѣли прожвныя. Общенія русской публики съ польскою не было никакого. Мы, холостые люди, обыкновенно подсаживались къ знакомымъ русскимъ дамамъ и проводили вечеръ въ разговорахъ; музыку слушали на половину. Лучшее русское общество почти всякій вечеръ бывало здѣсь. Вечеръ обыкновенно кончался приглашеніемъ закончить его въ семьѣ, подлѣ которой сидѣли въ саду, пить тамъ чай.

Меня лично варшавскіе лѣтніе театры мало привлекали. Драматическій театръ былъ мнѣ недоступенъ, такъ какъ я не понималъ польскаго языка; а сидѣть цѣлый вечеръ и наслаждаться жестикуляціей, мимикой актеровъ, даже гениальныхъ, я не находилъ удовольствія. Оперный театръ лѣтомъ давалъ только польскія оперы. Монюшки и лѣтніи оперетки, въ родѣ „Десяти невѣстъ и ни одного жениха“. Я прослушалъ знаменитую оперу Монюшки „Гальку“, исполненную подъ дирижерствомъ самого автора, который величественно, самоувѣренно махалъ палочкой въ оркестрѣ, и рѣшилъ, что надо быть полякомъ, чтобы восхищаться ею. Мнѣ она показалась музыкой заурядной. Мелкія оперетки исполнялись недурно, но я не былъ любителемъ ихъ. Оркестръ оперы былъ небольшой, порядочный; не болѣе. Въ оперѣ не было ни одного выдающагося пѣвца и пѣвицы; хоры не важныя. Намъ, петербуржцамъ, избалованнымъ великолѣпнымъ, огромнымъ оркестромъ тогдашней итальянской оперы, такими пѣвцами, какъ Маріо, Лаблашъ, пѣвцами, какъ Гризи, Бозео, варшавская опера не могла доставить удовольствія. Говорили, что зимою приглашаются первостепенные пѣвцы и пѣвицы, что тогда опера лучше; но лѣтомъ русское общество мало посѣщало ее.

Варшавскій балетъ славился; но намъ, петербургскимъ жителямъ, онъ казался жалокъ. Составъ его былъ очень не великъ; кордебалетъ также немногочисленъ, до такой степени, что въ балетахъ, гдѣ нужна масса, находчивые руководители балета изображали толпу на кулисахъ. Передъ этими, неподвижными, рисованными фигурами танцовало около тридцати танцовщицъ. Въ числѣ ихъ было нѣсколько красивыхъ особъ, а двѣ, три даже были очень красивы; но первостепенныхъ танцовщицъ не было ни одной. У красавицъ этихъ юбочки были очень коротки, корсажи очень декольтированы, и онѣ были

очень эффектно въ этомъ полублужденномъ видѣ. Балетъ посѣщался польскимъ обществомъ и русскою молодежью, у которыхъ были соотношенія и знакомства съ танцующими. Я лично не увлекался ими.

Аристократическаго польскаго общества, которымъ всегда славилась Варшава, я не видѣлъ нигдѣ, ни въ театрахъ, ни на улицахъ, ни въ Лазенкахъ. Дома аристократовъ были закрыты, окна въ нихъ завѣшены; говорили, что аристократы уѣхали за границу, или живутъ въ своихъ имѣнiяхъ. Въ театрахъ, садахъ, на улицахъ постоянно толпились польское среднее общество, купцы, адвокаты, доктора, чиновники, не общавшіеся съ русскими. Они не смѣли теперь явно высказывать намъ свои враждебныя чувства, но, насколько возможно было дѣлать это, не подвергаясь полицейскимъ взысканiямъ, они дѣлали это. Они всячески, во всемъ стѣсняли русскихъ, старались сдѣлать имъ досаду. Во всѣхъ магазинахъ, на русской вопросъ и просьбу товара отвѣчали: *nie gaszmet!* (не понимаю!). За всѣ товары съ русскихъ брали двойную цѣну. Польскій докторъ очень неохотно ѣхалъ лѣчить русскихъ пациентовъ, и дѣлалъ это только за двойную плату. На улицѣ, на вопросъ по-русски: какъ пройти куда-либо? поляки не отвѣчали ничего, проходили, будто не слыша вопроса. Въслѣдствіе всего этого, благоразумные русскіе люди платили дороже за товары и польскія услуги, но отказывались отъ всякаго общенiя съ поляками.

Евреевъ я видѣлъ на улицѣ, въ магазинахъ; но въ театрахъ и Швейцарской долинкѣ они появлялись рѣдко, и то самыя богатые, ополоченные, и корчили поляковъ! Ихъ можно было видѣть въ шабашъ (пятница вечеромъ) въ Саксонскомъ саду и въ излюбленномъ ими Красинскомъ саду. Красинскій садъ лежитъ въ части города, которую русскіе мало посѣщали, а въ шабашъ мы, конечно, набѣгали въ Саксонскій. Впрочемъ Саксонскій садъ былъ мало доступенъ и для евреевъ. У входа въ садъ стояла полиція и не пропускала туда чернорабочихъ, кухарокъ съ провизіей и вообще простовародье. Еврей въ лапсердакахъ входа туда не имѣли. Русское общество любило Саксонскій садъ. Нельзя было не восхищаться его великолѣпными тѣнистыми аллеями изъ столѣтнихъ каштановъ; содержался онъ прекрасно.

Кромѣ сослуживцевъ моихъ по Учредительному Комитету, людей съ высшимъ образованiемъ и развитiемъ, въ Варшавѣ было многочисленное русское военное общество, въ которомъ

было много людей съ высшимъ образованіемъ. Въдѣ въ Варшавѣ было главное управленіе всѣхъ военныхъ силъ, расположенныхъ въ Царствѣ Польскомъ, а тамъ была сосредоточена цѣлая армія! Военные и гражданскіе русскіе люди жили дружно, образовали свой общій образованный кругъ въ Варшавѣ, не нуждаясь въ полякахъ.

Когда М. П. Горловъ убѣдился, что я достаточно ознакомился съ дѣломъ, онъ далъ мнѣ три ликвидационныхъ табели Калишской комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ и сказалъ:

— Обратите особенное вниманіе на эти табели; въ районѣ Калишской комиссіи населеніе очень смѣшанное, она расположена на границѣ Пруссіи; тамъ встрѣчаются очень сложные вопросы. Притомъ, протоколы этой комиссіи бываютъ очень безтолковы, неясны!

Онъ былъ правъ! Въ тѣхъ табеляхъ, которыя онъ далъ мнѣ, не было сложныхъ вопросовъ; но всѣ онѣ были обжалованы помещиками. Жалобы были ядовиты, но логичны съ польской точки зрѣнія; протоколы на комиссіи, разсматривавшія эти жалобы, были многорѣчивы, но написаны такъ неискусно, не логично, что мѣстами трудно было понять излагаемое. Я проработалъ за ними цѣлый вечеръ, но все-таки, для разъясненія некоторыхъ пунктовъ, долженъ былъ обратиться къ М. П. Горлову. Съ этихъ поръ, онъ сталъ давать мнѣ на провѣрку исключительно ликвидационныя табели Калишской комиссіи, и я вынужденъ былъ работать надъ ними усиленно. Тамъ было два комиссара, неумѣло и невнимательно разбиравшихъ дѣло и плохо излагавшихъ свои разборы. Отношенія членовъ комиссіи къ помещикамъ очевидно были обостренны; это высказывалось въ множествѣ обжалованій, въ озабоченіи, съ какимы жалобы эти были написаны. Протоколы Калишской крестьянской комиссіи были трехъ редакцій: одно лицо писало кратко, толково; другое лицо писало кратко, умно, но злобно и, по моему убѣжденію, пристрастно, въ пользу крестьянъ; третье лицо писало многосложно, неясно, не глубоко вникало въ дѣло, наполняло протоколы ненужными громкими фразами и безтактными нападками на помещиковъ вообще. Я высказалъ это наблюденіе Горлову; онъ улыбулся и призналъ мое наблюденіе вѣрнымъ, но не согласился назвать мнѣ авторовъ этихъ протоколовъ. Я такимъ образомъ сдѣлался исключительнымъ докладчикомъ по ликвидационнымъ табелямъ Калишской комиссіи, сильно набилъ руку въ разсмотрѣніи ихъ.

Однажды, въ Центральную Комиссію явился незнакомый мнѣ

человѣкъ; онъ вошелъ вмѣстѣ съ Я. А. Соловьевымъ, очевидно былъ знакомъ со всѣми, пожималъ руку всѣмъ членамъ. Мнѣ некогда было спросить „кто это?“, такъ какъ докладъ тотчасъ по входѣ Соловьева началъ Горловъ, и именно съ моихъ табелей. Я докладывалъ очень сложное и плохо равобранное дѣло съ неясно изложеннымъ протоколомъ Калишской комиссiи. Когда я изложилъ дѣло, члены стали обсуждать дѣло и обращались къ незнакому моему на разными разъясненiями; я понялъ, что это Рутценъ, предсѣдатель Калишской комиссiи по крестьянскимъ дѣламъ; онъ очень неохотно и сухо давалъ объясненiя. Соловьевъ не могъ разъяснить себѣ что-то, заставилъ меня прочитать сказанное въ протоколѣ и, выслушавъ, нетерпѣливо спросилъ Рутцена;

— Скажите, кто такъ безтолково пишетъ?

— Мой помощникъ, Николай Павловичъ Рагозинъ! отвѣчалъ Рутценъ.

Я узналъ такимъ образомъ автора затруднявшихъ меня протоколовъ. Я докладывалъ три табели; всѣ были сильно обжалованы, и одна очень неумѣло проверена на мѣстѣ. Соловьевъ опять спросилъ:

— Кто этотъ безтолковый комиссаръ?

— Подполковникъ Гриверъ! отвѣтилъ вполголоса Рутценъ.

Всѣ три ликвидационныя табели были возвращены въ Калишскую комиссiю для дополнительной проверки. Рутценъ выслушалъ общее осужденiе представленныхъ имъ работъ. Онъ съ явнымъ неудовольствiемъ глядѣлъ на меня и тотчасъ по окончанiи засѣданья ушелъ, такъ что я не успѣлъ познакомиться съ нимъ. А я хотѣлъ сдѣлать это, чтобы разспросить его кое о чемъ по другимъ табелямъ, мною уже разсмотрѣннымъ, но еще недоложеннымъ даже Горлову.

Недѣля черезъ двѣ послѣ этого засѣданiя, 26 августа, Соловьевъ, по окончанiи засѣданiя Центральной комиссiи, сказалъ мнѣ:

— Приходите ко мнѣ въ 6 часовъ вечера, обѣдать. Знакомы вы съ Рагозинымъ, товарищемъ предсѣдателя Калишской комиссiи?

Я отвѣтилъ, что не знаю его.

— Такъ я познакомлю васъ.

Приглашенiе это озадачило меня. Соловьевъ держалъ себя очень гордо. Я встрѣчался съ нимъ въ Центральной комиссiи, у нѣкоторыхъ моихъ знакомыхъ, но никогда не бывалъ у него. Ровно въ 6 часовъ я входилъ въ его гостию. Рагозинъ былъ уже тамъ.

и они живо и толковали о чемъ-то. Соловьевъ познакомилъ насъ. Я увидѣлъ знакомый мнѣ типъ калужанина-помѣщика: русскій человекъ, русый, средняго роста, плотнаго сложенія, конечно съ бородой, лѣтъ 35, съ добрымъ выраженіемъ лица. Обѣдали мы втроемъ; разговоръ шелъ все время о дѣлахъ Калишской комиссіи. Яковъ Александровичъ пенялъ Рагозину за раздоры между членами комиссіи, за небрежныя работы; разъ или два остался недоволенъ возраженіями Рагозина, говорившаго смѣло, и рѣзко. Я конечно молчалъ во время этихъ преній. Подъ конецъ обѣда Яковъ Александровичъ сталъ спрашивать меня о нашихъ смоленскихъ дѣлахъ; онъ хорошо зналъ Смоленскъ, служилъ тамъ. Отзывы его о людяхъ и отношеніяхъ смоленскихъ очень вѣрны, и я невольно высказалъ ему удивленіе, что онъ такъ близко знаетъ все это. Онъ улыбнулся и сказалъ:

— Не мудрено понять ихъ; люди русскіе, дворяне; типъ всероссійскій!

Отпуская насъ послѣ обѣда, онъ задержалъ меня, и когда мы остались вдвоемъ, онъ сказалъ мнѣ:

— Я предполагаю командировать васъ въ Калишъ, завѣдывать Калишской комиссіей по крестьянскимъ дѣламъ. Изъ докладовъ вашихъ въ Центральной комиссіи я убѣдился, что вы достаточно ознакомились теперь съ дѣломъ вообще и съ положеніемъ дѣла въ Калишской комиссіи. Рутценъ не вернется въ Калишъ; я получилъ его прошеніе объ отставкѣ; Рагозину и не могу довѣрить комиссію. Надѣюсь, вы справитесь съ этимъ дѣломъ?

Я отвѣчалъ, что предложеніе это для меня совершенно неожиданно; я не подготовилъ отвѣта. Но я всю жизнь никуда не напрашивался и ни отъ какого порученія не отказывался. Предложеніе его такъ лестно для меня, что я благодарю его за довѣріе, и приложу всѣ силы повести дѣло правильно.

Я такъ пораженъ былъ этимъ извѣстіемъ, что не могъ оставаться наединѣ; Тургенева не было дома. Я переодѣлся и пошелъ въ театръ. Ночь я почти не спалъ; меня радовало это крупное повышеніе. Должность предсѣдателя крестьянской комиссіи состояла въ IV классѣ, давала 4.000 рублей содержанія, при казенной квартирѣ и отопленіи. Мнѣ было 32 года; положеніе блестящее для молодого человекъ. Не меня смущало сознаніе, что Калишская комиссія была ведена неправильно, что тамъ раздоры между членами комиссіи, что они очень самостоятельны, рѣзко и стойко отстаиваютъ свои убѣжденія. Нѣсколько часовъ назадъ я убѣдился въ этомъ изъ разговора

Раговина съ Соловьевымъ. Молодость, увѣренность въ своихъ силахъ, взяла верхъ, и я сказала себѣ: „буду работать, одолѣю“.

На другой день я никому, ни даже моему сожителю Тургеневу не говорилъ о предложеніи, сдѣланномъ мнѣ Соловьевымъ, предоставляя ему обнародовать это, когда онъ признаетъ это нужнымъ. Въ канцеляріи Учредительнаго Комитета, куда я пришелъ по дѣлу, Бѣловскій подошелъ ко мнѣ и вполголоса сказалъ мнѣ:

— Поздравляю съ блистательнымъ назначеніемъ! Яковъ Александровичъ приказалъ мнѣ написать представленіе о назначеніи васъ исправляющимъ должность председателя Калишской комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ.

И молча пожалъ ему руку; онъ продолжалъ:

— Вы никому не говорили объ этомъ? Хорошо сдѣлали! Молчите, пока не состоится назначеніе.

Когда я явился съ ликвидационными табелями къ Горлову, онъ спросилъ меня, улыбаясь:

— Какія новости принесли вы мнѣ?

— Три ликвидационныя табели, мною просмотрѣнныя, отвѣчалъ я серьезно.

— Это послѣднія, которыя вы мнѣ докладываете. Поздравляю съ назначеніемъ и радуюсь ему. Убѣжденъ, что дѣло пойдетъ у васъ хорошо.

Мы проговорили съ нимъ часа полтора о томъ, что меня ожидаетъ въ Калишѣ, и какъ я долженъ дѣйствовать. Видно было, что онъ искренно желаетъ помочь мнѣ, разъяснить мнѣ все необходимое. И поблагодарилъ его за доброе расположеніе ко мнѣ и высказалъ убѣжденіе, что, именно благодаря его доброму отзыву обо мнѣ, Соловьевъ избралъ меня. Горловъ отвѣтилъ:

— Я сознательно готовилъ васъ въ председатели Калишской комиссіи. Давно было рѣшено, что Рутценъ не можетъ вести ее. Давая вамъ для разбора ликвидационныя табели этой комиссіи, я вводилъ васъ въ кругъ ея дѣйствій. Вы теперь хорошо знаете всѣ ея ошибки, знаете мнѣніе о нихъ членовъ Центральной комиссіи. Дѣло для васъ ясно, открыто. Ваши доклады одобрялись всѣми членами комиссіи; Яковъ Александровичъ могъ смѣло избрать Васъ.

Когда я воротился домой, къ обѣду, Михайлъ Борисовичъ бросился обнимать, поздравлять меня. Добрый человекъ этотъ искренно радовался назначенію моему. Въ канцеляріи Учредительнаго Комитета писалось представленіе о моемъ назначеніи,

всѣ знали о немъ. Тургеневъ укорялъ меня, что я не рассказывалъ ему эту вѣсть вчера.

— Когда я воротился домой, отвѣчалъ я, вы спали; не будить же васъ!

— Именно будить! для такой радостной вѣсти можно и проснуться!

— А ватѣмъ, продолжалъ я, прилично ли было мнѣ разглашать это? Представьте себѣ, что Яковъ Александровичъ отдумалъ бы назначить меня; остановился бы на другомъ лицѣ; или намѣстникъ, графъ Бергъ, не утвердилъ бы его представленіе. Хорошо бы я былъ! Мальчикъ, хвастунъ!

— Это невозможно! Не такой человекъ Яковъ Александровичъ! Онъ не шатается; у него—сказано, сдѣлано! А намѣстникъ? Ему не все ли равно, кто будетъ въ Калишѣ? Онъ ничего изъ насъ не знаетъ и знать не хочетъ. Я просилъ однако Тургенева не разглашать это извѣстіе, а самъ продолжалъ провѣрять ликвидационныя табели. Ближайшее засѣданіе Центральной комиссіи было вечеромъ 29 августа, несмотря на табельный праздникъ. Придя въ комиссію, Яковъ Александровичъ объявлялъ нѣсколькимъ лицамъ, что онъ получилъ Высочайшій приказъ о награжденіи ихъ чинами и орденами, по случаю 30 августа, дня Именинъ Государя Александра II. Затѣмъ онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Поздравляю и васъ, Николай Ксенофоновичъ! Вы назначены исправляющимъ должность Предсѣдателя Калишской комиссіи.

Члены Центральной комиссіи всѣ поздравили меня и высказывали убѣжденіе, что дѣло попало въ хорошія руки. Я сдѣлалъ въ это засѣданіе свой послѣдній докладъ, сдалъ свои ликвидационныя табели и ушелъ изъ засѣданія уже какъ предсѣдатель Калишской комиссіи. Члены Центральной комиссіи, Тургеневъ, еще кое-кто рѣшили, что надо идти ужинать въ Европейскую гостиницу, поздравить меня. Мы дружески поужинали тамъ, и я сохраняю до сихъ поръ радостное воспоминаніе о вниманіи и ласкѣ этихъ ужныхъ, добрыхъ и ласковыхъ людей.

Черезъ нѣсколько дней Бѣлозерскій вручилъ мнѣ распоряженіе отправиться къ мѣсту служенія моего, въ г. Калишъ, и принять Калишскую комиссію по крестьянскимъ дѣламъ. Я явился къ Соловьеву откланяться. Очень кратко, но очень опредѣленно, онъ указалъ мнѣ, на что надо обратить особенное вниманіе въ Калишской комиссіи. Съ Горловымъ у насъ была

болѣе продолжительная бесѣда. Онъ еще разъ дружески, отечески повторилъ мнѣ всѣ требованія Центральной комиссiи, всѣ слабыя стороны дѣятельности Калишской комиссiи. Я сдѣлалъ нѣсколько прощальныхъ визитовъ. Жалко мнѣ было разставаться съ сожителемъ моимъ Михаиломъ Борисовичемъ. Добрый, умный человекъ этотъ пришелся мнѣ очень по душѣ. Жалко было мнѣ оставить семью брата моего Сергѣя Николаевича, гдѣ я такъ хорошо отдыхалъ, гдѣ было такъ уютно, семейно. Мнѣ было жаль разставаться со всѣмъ, что меня окружало въ Варшавѣ. Благородные, умные члены Учредительнаго Комитета, съ которыми я нѣсколько разъ въ недѣлю встрѣчался въ Центральной комиссiи, были мнѣ дороги. Мнѣ до теперешнихъ, позднихъ дней моей жизни, не пришлось встрѣтить вновь такое рѣдкое собраніе умныхъ, благородныхъ людей. Встрѣчались такіе люди поодиночкѣ; на группу въ 10 и 12 человекъ такихъ людей, работающихъ за однимъ дѣломъ, я не встрѣчалъ болѣе. Николай Алексѣевичъ Милютинъ высказалъ свой рѣдкій административный талантъ, замѣчательное знаніе людей, сумѣвъ выбрать и соединить этихъ людей въ Варшавѣ. Общая работа съ ними, бесѣды ихъ произвели на меня глубокое впечатлѣніе, придали твердость, сознательность моей дальнѣйшей дѣятельности по крестьянскому дѣлу. До тѣхъ поръ я, какъ и всѣ мировые посредники перваго состава, былъ самоучка, дѣйствовалъ по своему разуму. Учиться было не у кого; всѣ были такіе же, какъ я, не съ кѣмъ было даже посоветоваться. Тутъ, въ Центральной комиссiи, засѣдали бывшіе члены редакціонной комиссiи; они руководствовались убѣжденіями и положеніями, выработанными въ редакціонной комиссiи. Они передавали эти руководящія мысли, положенія намъ, ученикамъ своимъ, и я понималъ цѣну этихъ указаній. Къ счастью, мнѣ пришлось пользоваться руководствомъ этихъ людей до конца семилѣтней службы моей въ Учредительномъ Комитетѣ.

Калишская по крестьянскимъ дѣламъ комиссiя въ 1866 году.

Калишская комиссiя по крестьянскимъ дѣламъ получила форменное извѣщеніе о моемъ назначеніи исправляющимъ должность предѣдателя ея. Бѣлозерскій былъ разъ въ командировкѣ въ Калишъ и рассказывалъ мнѣ, какъ проѣхать туда. Я написалъ секретарю Калишской комиссiи, указать, въ какой

день приѣду туда, просилъ заготовить мнѣ къ этому дню номеръ въ гостиницѣ и выслать сторожа комиссiи въ почтовую контору, ко времени приѣзда почтоваго дилижанса, съ которымъ я предполагалъ приѣхать въ Калишъ. Въ незнакомомъ мнѣ городѣ, не зная польскаго языка, я вызывалъ сторожа, чтобы онъ довелъ меня до гостиницы и доставилъ туда мой багажъ. Около полудня я сѣлъ въ вагонъ Варшавско-Вѣиской желѣзной дороги; Михаилъ Борисовичъ провожалъ меня; мы дружески обнялись, онъ благословилъ меня на новый путь. По желѣзной дорогѣ мнѣ надо было ѣхать до станціи Кутно, около десяти перегоновъ отъ Варшавы. Желѣзная дорога эта была уже не русская; она устроена на награничный образецъ. Колеса узкая, вагоны, всѣ порядки нѣмецкіе. Прислуга польская, билеты съ надписями польскими, разговоръ по-польски. Путь идетъ по хорошей, богатой части Польши, густонаселенной, плодородной. Около 7 часовъ вечера я вышелъ въ Кутно, маленькомъ городкѣ. Тутъ у вокзала стоялъ почтовый дилижансъ, который черезъ полчаса отправлялся въ Калишъ, везъ туда почту. Въ каретѣ было 8 мѣстъ; я занялъ одно; плата была ничтожная. Карета была раздѣлена на два отдѣленія, по 4 мѣста въ каждомъ. Въ моемъ отдѣленіи, къ счастью, оказался пассажиръ русскій чиновникъ, служащій въ Калишѣ; онъ уже обжился въ Польшѣ, довольно бойко говорилъ по-польски и много помогъ мнѣ. Дорога шла по прекрасному шоссе; карета шла ровно и довольно скоро, но ѣхать предстояло болѣе 100 верстъ, и мнѣ объяснили, что мы будемъ въ Калишѣ только на другой день, около 8 часовъ утра. Покуда было свѣтло, я осматривалъ мѣстность, по которой мы проѣзжали. Мѣста были хорошія, обработка земли тщательная, видна была зажиточность населенія. Когда потемнѣло, стало очень скучно, спать сидя я не могъ, остальные пассажиры были поляки, относившіеся къ намъ, русскимъ, холодно. Оставалось одно—разспрашивать моего русскаго спутника о городѣ Калишѣ и жизни въ немъ, что я и сдѣлалъ. Продреманъ сидя всю ночь, мы къ указанному времени, около 8 часовъ утра, въѣхали въ Калишъ. Сторожъ комиссiи, отставной солдатъ, встрѣтилъ меня, провелъ въ гостиницу Пешке, гдѣ мнѣ была заготовлена просторная, чистая комната. Хозяинъ гостиницы, нѣмецъ, встрѣтилъ меня почтительно. Я съ дѣтства свободно говорилъ по-нѣмецки; попросилъ его приставить ко мнѣ человѣка, говорящаго по-русски или по-нѣмецки; онъ объяснилъ, что предупредилъ мое желаніе; кельнеръ его, нѣмецъ, будетъ мнѣ прислу-

жинать. Самовары въ нѣмецкой гостиницѣ не полагались; но мнѣ подали прекрасное кофе, съ хорошимъ хлѣбомъ и масломъ. Я пилъ кофе, когда мнѣ доложили, что пришелъ секретарь комиссiи. Я конечно тотчасъ принялъ его, поблагодарилъ, что онъ такъ удобно устроилъ меня. Онъ спросилъ: какъ и когда я хочу принять дѣла комиссiи, когда назначу представиться мнѣ комиссарамъ и чиновникамъ комиссiи? Я объяснилъ, что цѣлую ночь не спалъ, усталъ и въ этотъ день буду отдыхать; прошу считать меня официально еще не прибывшимъ въ Калишъ; а что будетъ завтра—увидимъ. Я попросилъ его зайти къ товарищу предсѣдателя Рагозину и попросить его отъ моего имени быть дома въ 11 ч. утра; я зайду къ нему, какъ человѣку мнѣ уже знакомому.

Въ 11 часовъ я звонилъ у двери Рагозина; онъ самъ открылъ мнѣ и смущенно привѣтствовалъ меня. Я дружески протянулъ ему руку и прежде всего просилъ видѣть во мнѣ человѣка, а не предсѣдателя комиссiи, что я сегодня не стану говорить о дѣлахъ и прошу распоряжаться въ комиссiи, какъ онъ знаетъ. Онъ повторилъ вопросъ секретаря о приѣмѣ комиссiи; я сказалъ, что не вижу надобности и принимать дѣла; они на рукахъ секретаря, а если мои помощники не увѣрены въ цѣлости ихъ, надо назначить ревизiю. Рагозинъ конечно запротестовалъ и клялся, что все въ порядкѣ. О приѣмѣ комиссаровъ я сказалъ, что не считаю удобнымъ отрывать ихъ отъ дѣла и не вижу пользы отъ официального приѣма. Лучше мы познакомимся постепенно, когда будетъ удобно. Съ нимъ лично я знакомъ, а съ другимъ помощникомъ познакомлюсь сегодня, зайду къ нему. Распоряженiе это поразило его и по видимому понравилось ему.

Я зналъ, что онъ женатъ, и просилъ его познакомить меня съ женою его. Не мало я былъ удивленъ, когда ко мнѣ вышла особа, которую я хорошо зналъ еще дѣвочкой. Я былъ друженъ съ ея дядей Николаемъ Пис.... Это былъ мой другъ дѣтства, съ сестрой его, матерью г-жи Рагозиной, игралъ въ дѣтствѣ, и самое г-жу Рагозину постоянно встрѣчалъ у Николая П—а. Это обстоятельство много упростило наши отношенiя съ ея мужемъ, Николаемъ Павловичемъ, придавъ имъ сразу дружескiй оттѣнокъ. С. Н. Рагозина настояла, чтобы я позавтракалъ у нея, послѣ завтрака я попросилъ хозяина проводить меня къ другому моему товарищу Рычкову. Я зналъ отъ Горлопа, что это враги, и потому просилъ Рагозина указать мнѣ домъ, гдѣ живетъ Рычковъ. Я всталъ дома Николая Дмитрие

вича Рычкова. Это былъ молодой человекъ красивой наружности, свѣтскій, очень образованный, кандидатъ юридическихъ наукъ Казанскаго университета. Отецъ его, богатый помѣщикъ на Уралѣ, потомокъ нѣвѣстнаго писателя Рычкова, самъ онъ очень образованный человекъ, славянофилъ, былъ пріятель Самариныхъ, князя Черкаскаго и Я. А. Соловьева. Благодаря этимъ связямъ Николай Дмитриевичъ при открытіи крестьянскихъ комиссій былъ назначенъ, несмотря на свою молодость и неопытность, товарищемъ предсѣдателя комиссій, не побывавъ предварительно комиссаромъ. Рычковъ успѣшилъ высказать мнѣ, что, исполняя долгъ службы и вѣжливости, онъ былъ уже у меня въ гостиницѣ, но, къ сожалѣнію, не засталъ меня. Первое впечатлѣніе, сдѣланное на меня этимъ сослуживцемъ моимъ, было очень пріятное: я просидѣлъ у него около часу, сказалъ ему, что знаю его дѣятельность изъ его толковыхъ протоколовъ. Я попросилъ его придти на другой день, въ 10 часовъ утра въ канцелярію комиссій, куда я пригласилъ уже Рагозина. Тамъ мы переговоримъ о дѣлѣ и условимся о дальнѣйшей нашей дѣятельности.

Вечеръ я провелъ у себя въ гостиницѣ, наединѣ, приводилъ порядокъ своимъ мыслямъ, впечатлѣніямъ и готовясь приступить на другой день къ новой моей дѣятельности. Положеніе края и Калишской комиссій въ этотъ періодъ было еще неопредѣленно.

Въ основаніе новаго устройства Царства Польскаго было положено освобожденіе крестьянъ, надѣленіе ихъ землей и устройство крестьянскаго самоуправленія. Такъ какъ гражданское управленіе было совершенно разстроено возстаніемъ, оно состояло все изъ поляковъ, которымъ правительство не могло довѣрить, то Высочайшіе Указы 19 февраля 1864 года объ устройствѣ крестьянъ обнародованы были чрезъ военныхъ начальниковъ во всѣхъ мѣстностяхъ Царства Польскаго; сдѣлано было это очень быстро, отъ 23 февраля до половины марта 1864 года. Затѣмъ 14 марта 1864 года открытъ въ Варшавѣ Учредительный Комитетъ, на который между прочимъ возложено высшее завѣдываніе крестьянскимъ дѣломъ въ Польшѣ. Комитетъ занялся прежде всего образованіемъ мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ комиссій, которымъ предстояла тяжелая и сложная обязанность устроить на мѣстахъ новый сельскій бытъ, обезпечить и укрѣпить поземельныя права крестьянъ, наконецъ упрочить на дѣлѣ общественное мірское управленіе, согласно съ новымъ законодательствомъ. Такое многосложное порученіе могло быть удовлетворительно исполнено лишь людьми,

глубоко и искренно сочувствовавшими предпринятой реформѣ. Несчастные опыты прежнихъ лѣтъ, когда самыя благодѣтельныя намѣренія русскаго правительства по крестьянскому дѣлу искажались въ Польшѣ исполнителями-поляками, проникнутыми самыми эгонстическими политическими видами, требовали, при настоящемъ ненормальномъ положеніи края, назначенія лицъ исключительно русскаго происхожденія.

Въ видахъ обезпеченія правильнаго и быстраго теченія дѣлъ, учреждено въ Варшавѣ 14 комиссій по крестьянскимъ дѣламъ. Каждая изъ этихъ комиссій имѣеть въ своемъ вѣдѣніи отъ 2 до 3 уѣздовъ и состоитъ изъ предсѣдателя, товарища предсѣдателя и нѣсколькихъ членовъ, комиссаровъ, которые завѣдываютъ особыми участками. Во всѣ эти должности и поступили исключительно лица, прибывшія изъ Имперіи, частью бывшіе мировые посредники или гражданскіе чиновники, частью же офицеры изъ войскъ, расположенныхъ въ Имперіи и Царствѣ Польскомъ, извѣстные своею способностью и сочувствіемъ предстоящему дѣлу.

При открытіи своихъ дѣйствій, комиссія нашла, что, по обнародованіи Высочайшихъ Указовъ 19 февраля, крестьяне съ нетерпѣніемъ ожидали дѣйствительнаго ихъ исполненія на мѣстахъ. Въ послѣднее время они слышали столько обѣщаній, столько пышныхъ словъ, что недовѣріе къ новымъ обѣщаніямъ было побѣждено лишь тѣмъ, что Указы обнародованы были русскими военными властями. Крестьяне, передъ глазами которыхъ происходили всѣ событія повстанія, поняли очень хорошо, что для нихъ наступила пора возрожденія жъ новой жизни, что смутныя обѣщанія повстанцевъ не имѣли никакой практической силы, и что улучшение своего быта они могутъ ожидать только отъ законнаго правительства. Если въ прежнее время, въ умахъ крестьянъ и были какія-нибудь колебанія или сомнѣнія, вслѣдствіе усиленныхъ происковъ шляхты, то она съ началомъ дѣйствій комиссій прекратились совершенно. Вслѣдъ за обнародованіемъ Высочайшихъ Указовъ 19 февраля военные начальники, а затѣмъ комиссары были завалены прошеніями. Крестьяне спѣшили заявить свои права, желая воспользоваться благопріятною минутою, такъ какъ горькій опытъ убѣдилъ ихъ, что если власть перейдетъ въ руки шляхты, то всѣ надежды на правосудіе опять исчезнутъ. Само собою разумѣется, что точныхъ понятій о Высочайшихъ Указахъ не было еще у крестьянъ. Ихъ не было, къ сожалѣнію, и между высшимъ классомъ общества. При всякомъ же по-

ниманіи указовъ, естественно, многіе изъ крестьянъ ожидали гораздо большаго, чѣмъ имъ предоставилось новымъ закономъ. Нѣкоторые предполагали даже, что въ наказаніе за мятежъ всѣ земли будутъ отобраны отъ бушевавшей шляхты и розданы крестьянамъ.

По понятіямъ народа, сложившимся во время послѣднихъ смуть, вслѣдствіе недобросовѣстной пропаганды самихъ польскихъ революціонеровъ, такія мѣры казались совершенно естественными и справедливыми. Вообще, крестьяне ожидали мѣръ порывистыхъ, имѣющихъ характеръ насилія, но не рассчитывали еще на постоянное, неуклонное, непоколебимое дѣйствіе закона въ защиту ихъ правъ. Многовѣковое безправіе не развило въ крестьянахъ надежды на пріобрѣтеніе правъ постоянныхъ, вѣчныхъ.

Крестьянскимъ комиссіямъ поручено было разъяснить крестьянамъ, что обезпеченіе ихъ правъ основано на правильномъ, постоянномъ дѣйствіи закона; что всѣ неправды, обиды относительно земельного устройства ихъ, нанесенныя имъ при прежнихъ шляхетскихъ порядкахъ, будутъ спокойно, правильно разобраны крестьянскими комиссіями. Затѣмъ, прежде всего, крестьянскія комиссіи должны были заняться устройствомъ крестьянскаго самоуправленія: распредѣленіемъ уѣздовъ на гмины (волости), выборомъ гминныхъ войтовъ (волостныхъ старшинъ), лавниковъ (судей), солтысовъ (сельскихъ старостъ). До сихъ поръ гмины были распредѣлены согласно удобствамъ и желаніямъ помѣщиковъ, составлялись большею частью изъ отдѣльных имѣній; были гмины въ 50 и 60 дворовъ, рядомъ съ гминами въ 2.000 и 3.000 дворовъ; гминными войтами были сами помѣщики и повѣренные ихъ; въ гминахъ царствовалъ полный произволъ. Комиссарамъ пришлось не мало потрудиться, чтобы разъяснить крестьянамъ значеніе и громадную силу новыхъ политическихъ правъ, предоставленныхъ имъ передачею имъ права на выборъ гминнаго войта и всѣхъ гминныхъ властей, гминнаго суда. Можно было опасаться, что вся сила гминнаго устройства, которымъ обезпечивалась независимость крестьянъ отъ ненавистнаго имъ шляхетскаго вліянія, останется непонятою ими, и что народъ, для котораго насущныя, матеріальныя выгоды привлекательнѣе политическихъ правъ, отнесется равнодушно къ новымъ выборнымъ правамъ своимъ. Однако опасеніе это не оправдалось. Крестьяне польскіе, несмотря на продолжительное угнетеніе, или, лучше сказать, благодаря этому угнетенію, доведшему ихъ до крайней

степени раздраженія, ко всему что могло способствовать ихъ скорѣйшему освобожденію отъ шляхетскаго гнета, оказались очень чуткими. Она жадно внимали словамъ комиссія, которая, разѣвзжая по селеніямъ, разъясняла крестьянамъ значеніе этой великой милости царской, безъ которой всѣ права ихъ были бы непрочны. Большинство крестьянъ, при первыхъ же выборахъ, показало, что умѣетъ цѣнить дарованное имъ право самоуправленія. По большей части гминные войты, избранные крестьянами изъ своего сословія, оказались дѣйствительно самые лучшіе по поведенію и самые толковые люди. На выборахъ прочихъ должностныхъ лицъ, крестьяне подавали свои голоса съ полнымъ сознаніемъ своихъ правъ и замѣчательнымъ тактомъ. Очень часто случалось, что лицо, избранное единогласно въ солтысы (сельскіе старосты), не получало ни одного голоса, когда его предлагали въ гминные войты.

По устройствѣ гминъ и производствѣ выбора гминныхъ должностныхъ лицъ, крестьянскія комиссія занялись разборомъ жалобъ, поданныхъ крестьянами. Та часть польскаго населенія, которая не была заражена преступными мечтами польскаго востанія, спѣшила заявить свои страданія, въ надеждѣ, что настала наконецъ благопріятная минута для отысканія справедливости.

До 20 мая 1846 года, крестьяне въ Царствѣ Польскомъ не имѣли никакихъ земельныхъ правъ. Все, что было сдѣлано до этого времени помѣщиками относительно земель и угодій, находившихся въ пользованіи крестьянъ, не можетъ подлежать обжалованію. Указъ, изданный Императоромъ Николаемъ I въ 1846 году, впервые положилъ предѣлъ произволу помѣщиковъ и опредѣлилъ повземельныя права крестьянъ. Указомъ этимъ воспрещалось произвольно лишать участковъ крестьянъ, имѣющихъ три и больше морга земли, а равно уменьшать эти участки, увеличивать лежащія на нихъ повинности, или отказывать крестьянамъ въ сервитутахъ, коими они пользовались до того времени. Всѣ эти повземельныя права крестьянъ были въ 1846 году внесены въ таблицы (престаціонныя). Между тѣмъ крестьяне безъ разбора жаловались, какъ на то, что произошло во время ихъ безправія, такъ на незаконныя намѣненія ихъ быта, происшедшія послѣ 1846 года.

При повѣркѣ крестьянскими комиссіями жалобъ крестьянъ, весьма важнымъ пособіемъ служили prestaціонныя жалобы 1846 года и дополнителныя къ нимъ жалобы 1861 года. Первые были составлены тотчасъ послѣ изданія указа 1846 года и

должны были заключать въ себѣ полныя и безошибочныя свѣдѣнія о крестьянскихъ надѣлахъ, угодіяхъ и повинностяхъ, какіе существовали въ 1846 году; дополнительныя же таблицы объясняли, въ какомъ положеніи находились крестьянскіе надѣлы въ 1861 году, при изданіи указа объ окупѣ (переходѣ съ барщины на оброкъ). Одно простое сравненіе двухъ этихъ таблицъ нерѣдко раскрывало комиссіи многія злоупотребленія и нарушенія указа 1846 года. Были примѣры, что цѣлыя деревни, записанныя въ prestaціонныя таблицы въ 1846 году, уже не существовали, крестьяне прогнаны насильно со своихъ усадебъ, или сами покинули ихъ, вслѣдствіе непомернаго возвышенія повинностей и разныхъ другихъ притѣсненій, строенія ихъ снесены, а мѣсто, гдѣ прежде была деревня, запахано и нерѣдко продано въ третьи и четвертыя руки. Но такъ какъ таблицы составлялись одними помѣщиками и утверждались высшими властями на основаніи одного лишь свидѣтельства гминаго войта, званіе котораго носилъ самъ составитель таблицы, или его дворовый служитель, то весьма естественно, что онѣ весьма часто оказывались при повѣркѣ ихъ комиссіями неправильными. Въ Калишской комиссіи оказалась цѣлая многолюдная гмина, въ которой только шесть крестьянъ были записаны въ prestaціонную таблицу, а остальные всѣ пропущены. Дополнительныя таблицы 1861 года составлялись съ неменьшими неправильностями. Во многихъ изъ этихъ таблицъ опустѣвшія крестьянскія усадьбы (пустки) показаны занятыми официалами, управляющими, наконецъ, самимъ помѣщикомъ и его родственниками. Комиссіи случалось открыть нѣсколько пустокъ, записанныхъ на имя *Бартоломея Шварца* (изобрѣтателя пороха), *Казимира Перье* (французскаго министра), или же на имя разныхъ знаменитыхъ полководцевъ древняго и новаго міра.

Подобныя жалобы крестьянъ провѣряются очень внимательно крестьянской комиссіей. При разрѣшеніи жалобъ принимаются въ основаніе не самыя таблицы, а другія доказательства, какъ, на примѣръ: сознаніе помѣщика, показанія свидѣтелей, окольныхъ жителей. Составленное крестьянской комиссіей рѣшеніе представляется окончательно на усмотрѣніе Учредительнаго Комитета. Особенное затрудненіе представляетъ разсмотрѣніе жалобъ на обмѣнъ угодій. На основаніи указа 1846 года воспрещено было помѣщикамъ производить обмѣнъ земель безъ согласія крестьянъ; если же таковыя производились по добровольному съ крестьянами соглашенію, то правя-

тельство требовало, чтобы соглашеніе облечено было въ письменную форму и подверглось предварительному разсмотрѣнію и утвержденію высшихъ властей. Безъ соблюденія этого условія, договоръ, хотя бы онъ былъ письменный и заключенъ нотаріальнымъ порядкомъ, считался недѣйствительнымъ. Мѣра эта была весьма предусмотрительной и оправдывалась особымъ положеніемъ крестьянъ. Хотя декретомъ Наполеона I крестьяне Царства еще въ 1807 году были признаны полноправными гражданами, но такъ какъ они подчинены были до сихъ поръ произволу патримоніальной юрисдикціи, и кромѣ того право поземельной собственности было для нихъ совершенно недоступно, то понятно, что полноправность ихъ была не что иное, какъ законодательная фикція. Помѣщикъ, какъ войтъ гминь и какъ господинъ земли, на которой сидѣлъ крестьянинъ, могъ во всякое время исторгнуть у крестьянина какое угодно добровольное соглашеніе. Но законодательная фикція шла еще дальше: она открывала помѣщику полную возможность заключать съ крестьяниномъ даже формальные договоры, безъ какого-либо съ его стороны согласія и даже безъ его вѣдома. Гражданскимъ кодексомъ Царства Польскаго не требуется, чтобы безграмотные, при заключеніи договоровъ, прикладывали къ нимъ свои руки, или поручали за себя росписаться людямъ, которымъ они дѣйствительно довѣряютъ. Кодексъ считаетъ достаточнымъ, чтобы два полноправныхъ свидѣтеля скрѣпили договоръ и нотаріусъ утвердилъ его, засвидѣтельствовавъ, что одна изъ сторонъ не подписала его по безграмотству. На этомъ основаніи каждый польскій помѣщикъ, пользуясь своею патримоніальною властью и тѣмъ всеобщимъ ваговоромъ противъ крестьянъ, который существовалъ до сихъ поръ между шляхтою, могъ безъ труда добыть себѣ актъ добровольнаго съ крестьянами соглашенія, не обращаясь для того къ самимъ крестьянамъ. Такія добровольныя соглашенія имѣли дѣйствительно огромное примѣненіе на практикѣ, но указъ 19 февраля 1864 года, къ счастью, не призналъ за ними никакого значенія, если они не утверждены законнымъ порядкомъ. Во время управленія гражданской частью, маркизомъ Велепольскимъ въ 1862 году изданъ указъ о принудительномъ очищеніи; онъ допускалъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ совершеніе письменныхъ договоровъ домашнимъ порядкомъ, безъ всякаго особаго разсмотрѣнія и утвержденія оныхъ; нѣкоторые помѣщики воспользовались употребить во зло оказанное имъ этимъ указомъ довѣріе, а вспыхнувшіе вслѣдъ затѣмъ беспорядки въ краѣ помѣшали этимъ

злоупотребленіямъ обнаружиться. Къ счастью, время, благоприятное для распространенія подобныхъ добровольныхъ соглашеній, продолжалось очень недолго. Указъ 19 февраля положилъ имъ конецъ; точно такія же притѣсненія, обманы и подлоги встрѣчала крестьянская коммиссія при разборѣ жалобъ крестьянъ на отборъ сервитутовъ и просьбъ огородниковъ и другихъ малоземельныхъ крестьянъ. Учредительный Комитетъ требовалъ, чтобы всѣ эти жалобы разбирались крестьянскою коммиссіею юридически, принципиально; чтобы отдѣльные выдающиеся случаи собирались въ одну общую массу, и на основаніи этихъ разборовъ Учредительный Комитетъ издавалъ руководящія правила для разрѣшенія ихъ.

Не было почти ни одного имѣнія, гдѣ крестьяне не жаловались на тяжесть повинностей, платимыхъ въ пользу помѣщиковъ, ксендзовъ, ихъ крайнюю неуравновѣнность и запущенность. Повсемѣстны были также жалобы крестьянъ, и особенно дворовыхъ служителей, на побои и тѣлесныя наказанія со стороны помѣщиковъ, управителей и арендаторовъ. До того времени законъ предоставлялъ каждому землевладѣльцу, домохозяину патримоніальную власть наказывать своихъ служителей не свыше 16 ударовъ розогъ. Такъ какъ съ уничтоженіемъ патримоніальной юрисдикціи судебнаго полицейскаго разбирательства проступковъ перешло къ выборнымъ гминнымъ властямъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожено право помѣщиковъ чинить какія бы то ни было наказанія крестьянамъ.

Понятно, что такой открытый переходъ отъ полнаго безправія къ новому спокойному, твердому устройству ихъ не могъ не повліять благоприятно на польскихъ крестьянъ. Они встрѣчали всѣ дѣйствія и распоряженія крестьянской коммиссіи съ необыкновеннымъ радушіемъ и восторгомъ, какъ явное доказательство, что Высочайшіе указы не остаются мертвою буквою, а примѣняются въ дѣйствительности. Повсюду крестьяне выражали благодарность Царю не только за благодѣтельные указы, но и за то, что они приводятся въ исполненіе русскими, а не польскими чиновниками. Вообще не подлежитъ сомнѣнію, что въ глазахъ крестьянъ новая реформа получила особенное значеніе именно потому, что вводится не шляхтою. Калишская коммиссія была поражена, что народъ названіе *поляковъ* примѣняетъ преимущественно къ повстанцамъ, бунтовщикамъ изъ шляхты, и вообще къ другимъ сословіямъ, но никогда къ крестьянамъ. И не только на словахъ, но и на самомъ дѣлѣ всѣми чувствами своими народъ причисляетъ себя къ другой

(русской) націи, а не къ той, которая до сихъ поръ называла себя Польшою и систематически мучила, истязала ихъ крестьянъ.

Весьма понятно, что эта нація встрѣтила крестьянскую комиссію не съ тѣмъ чувствомъ радости, съ какимъ привѣтствовалъ ее народъ. Нельзя было ожидать, чтобы шляхта уступила свое исчезающее вліяніе безъ борьбы. Первое время крестьянской комиссіи приходилось бороться не только съ злонамѣренными слухами и клеветою, старавшимися ослабить ихъ вліяніе комиссіи на народъ и очернить ихъ законныя дѣйствія, но даже съ открытымъ неисполненіемъ Высочайшихъ Указовъ. Такиъ, права малоземельныхъ крестьянъ почти повсемѣстно найдены нарушенными и послѣ обнародованія Указовъ; крестьяне жили до самаго прибытія Калишской комиссіи на мѣсто, продолжали отбывать барщину. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ чинши были взысканы съ крестьянъ еще въ апрѣлѣ 1864 года, въ другихъ отобраны сервитуты или строенія, обмѣнены земли, жилища. На вопросъ Калишской комиссіи: читали ли владѣльцы имѣній Высочайшіе Указы, и на какомъ основаніи нарушили ихъ? получились весьма оригинальные отвѣты. Иные отвѣчали, что не читали, потому что у нихъ глаза слабы; другіе — потому, что Указъ объявленъ народу, а не имъ, помѣщикамъ; газетъ же, гдѣ Указъ напечатанъ, они не выписываютъ. Нерѣдко также встрѣчалось противодѣйствіе со стороны судебной власти, мѣстныхъ чиновниковъ, адвокатовъ, трибунала, напри- мѣръ разрѣшать поземельные искн и отчуждать отъ крестьянъ земли, не обращая вниманія на Указы 19 февраля, какъ будто ихъ вовсе и не существовало; адвокаты пытались запугивать крестьянъ уголовными исками; полицейскіе судьи присуждали крестьянъ къ огромнымъ штрафамъ; лѣсные чиновники перестали продавать имъ топливо. Всѣ такіе случаи открытаго сопротивленія устранились Учредительнымъ Комитетомъ и мѣстною военною властью, до свѣдѣнія которой Калишская комиссія тотчасъ доводила ихъ. Гораздо труднѣе представлялась борьба съ тѣмъ искреннимъ или притворнымъ непониманіемъ Указовъ, которое встрѣчалось на каждомъ шагу. Они оспаривали ясно выраженные законы и отнимали у комиссіи множество времени своими безцѣльными опроверженіями, протестами. Нѣкоторые, къ сожалѣнію, очень немногіе, помѣщики сразу стали въ правильное отношеніе къ реформѣ и безпрекословно подчинились указамъ. Это были самые предусмотрительные люди, которые давно указывали своимъ соплеменникамъ на не-

обходимость покончить съ крестьянскимъ вопросомъ, во голоса которыхъ заглушались болѣе своекорыстною шляхтою. Примеру благоразумныхъ лицъ, мало-по-малу, волей и неволей, стали слѣдовать помѣщики съ прагматическимъ взглядомъ на вещи, рассчитавшіе, что гораздо выгоднѣе сразу покончить счеты съ крестьянами, пользуясь содѣйствіемъ комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ, чѣмъ дожидаться принудительнаго расчета. Но большинство все еще слѣдуетъ старымъ привычкамъ, продолжая оспаривать у крестьянъ каждое илѣ право и считая какъ бы священнымъ долгомъ обжаловать каждое рѣшеніе комиссаровъ и комиссіи, какъ бы очевидна ни была его законность. Приходится тратить часы на утѣреніе просителя, что жалоба его не имѣетъ никакого смысла, что самъ же онъ въ этой жалобѣ признаетъ, что комиссаръ поступалъ на точномъ основаніи статьи закона. „Я ничего не имѣю возразить противъ этого, продолжаетъ спорить проситель, дѣйствительно въ Указѣ есть статья, которую комиссаръ привелъ въ исполненіе; но есть другая статья, предоставляющая мнѣ право жаловаться на комиссара. Комиссаръ исполняетъ свою статью, а я держусь моей“. Понятно, что подобные казуисты не пренебрегаютъ никакими средствами, чтобы какъ можно болѣе затруднить дѣйствія комиссіи, и распространять о ней самыя неблагопріятныя слухи. Этотъ образъ дѣйствій известной части польскаго населенія становится совершенно понятнымъ, если принять въ соображеніе стремленіе землевладѣльцевъ сохранить за собою неправильно захваченное, да сверхъ того досаду на потерянное безвозвратно матеріальное преобладаніе надъ другимъ сословіемъ, а равно надежду возвратитъ его при расчетѣ на предполагаемое послабленіе правительства, и наконецъ политическое огорченіе по поводу неудавшагося возстанія. Труды Калишской крестьянской комиссіи были очень тяжки, особенно въ первое время.

Прибывъ въ незнакомый и враждебный край, Калишская комиссія открыла въ немъ свои дѣйствія среди не совсѣмъ еще прекращенныхъ безпорядковъ, когда революціонныя страсти, вслѣдствіе рѣшительныхъ ударовъ, нанесенныхъ мятежникамъ со всѣхъ сторонъ, находились въ крайне раздраженномъ состояніи, но вѣра въ могущество попавшаго въ руки полиціи *народнаго жонда* не успѣла погаснуть въ нѣкоторыхъ слояхъ общества; еще издѣлія подземной печати, объявлявшія скорое изгнаніе москалей, продолжали ходить по рукамъ и раздуть инчлivity легковѣрною шляхты, какъ уже комиссія по крестьянскимъ дѣламъ, избранная изъ чистыхъ москалей, развѣвжали

по селамъ и торжественно провозглашали народу, что власть надъ нимъ шляхты окончилась безвозвратно, и что указы 19 февраля будутъ приведены въ исполненіе во что бы то ни стало. Легко представить себѣ силу ненависти, съ какою встрѣтила комиссію одна изъ заинтересованныхъ сторонъ, и весь объемъ надеждъ, возбужденныхъ ею въ другой. При такихъ условіяхъ пришлось Калишской комиссіи вступать въ новый для нея, невообразимо сложный міръ поземельныхъ отношеній, запутанныхъ многосторонними, застарѣлыми злоупотребленіями.

Разбирая эти жалобы, Калишская комиссія должна была все время собирать по нимъ необходимыя данныя, внимательно изучать мѣстные обычаи и порядки, мѣстный говоръ крестьянъ и тяжелый языкъ польскихъ официальныхъ документовъ, разъяснять крестьянамъ ихъ дѣйствительныя права, сдерживать ихъ преувеличенныя надежды, предпринимать быстрыя и рѣшительныя мѣры къ точному исполненію указовъ. Крестьянскія громады провожали комиссію отъ одной деревни до другой, не давая ей покоя ни днемъ, ни ночью, умоляя поскорѣе выдать имъ *decyzję* (рѣшеніе) на ихъ просьбу. При этомъ члены Комиссіи подвергались всѣмъ искудствамъ и лишеніямъ кочевой жизни. Останавливаться на фольваркахъ они не могли, какъ потому, что не желали пользоваться гостепріимствомъ сословія, изъ котораго столь многія лица, еще такъ недавно, открыто извергали всевозможныя хулы на русскихъ, такъ и потому, что при чрезвычайно натянутыхъ отношеніяхъ, понятныхъ только въ Польшѣ, крестьяне тотчасъ потеряли бы довѣріе къ новымъ правительственнымъ агентамъ, если бы замѣтили ихъ сближеніе съ крамольной шляхтою.

Останавливаясь по большей части въ корчмахъ, гминныхъ канцеляріяхъ и, въ крайнемъ случаѣ, у ксендзовъ, члены Калишской комиссіи всегда разбирали жалобы на открытомъ воздухѣ, въ присутствіи всей крестьянской громады, и когда уходили въ комнату для взаимныхъ совѣщаній и написанія рѣшенія, вынуждены были ставить у дверей часовыхъ, чтобы никого не пускать туда. Безъ этой предосторожности многіе помѣщики, хорошо зная, до какой степени всякое интимное отношеніе къ членамъ комиссіи можетъ возбудить подозрѣніе крестьянъ, нарочно, въ виду ихъ, входили безъ приглашенія въ комнату, гдѣ помѣщались члены комиссіи. Въ другихъ случаяхъ они заговаривали съ ними на французскомъ языкѣ; во время самого разбора жалобы расточали любезности, приглашали къ себѣ, или, наконецъ, въ той самой корчмѣ, подлѣ которой соби-

рались крестьяне въ ожиданіи пріѣзда комиссіи, приготовляли для членовъ комиссіи завтраки, шампанское. Надо было защищаться отъ такихъ навойливыхъ любезностей, не оскорбляя однако общихъ правилъ вѣжливости.

Надо при этомъ вспомнить, что за исключеніемъ военной власти, оказывавшей комиссіи полное вниманіе и содѣйствіе, она встрѣчала непрерывно явное и тайное протыводѣйствіе; если ко всему этому присовокупить массу клеветы, неизбѣжно сопутствующей каждому русскому дѣятелю въ Польшѣ, той закоренѣлой, фанатической клеветы, которою повидимому былъ наполненъ тамъ самый воздухъ; словомъ, если дѣятелямъ въ этомъ краѣ вспомнить жизнь, полную непрерывнаго труда, замкнутую въ небольшой кружокъ сослуживцевъ, обязанныхъ быть взыскательными къ самимъ себѣ и другъ къ другу—то нельзя не согласиться, что жизнь членовъ Калишской комиссіи была трудовая, требовала много выдержки, характера.

Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, проведенныхъ мною при Центральной Комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ, я узналъ все это изъ устныхъ докладовъ, производимыхъ тамъ въ моемъ присутствіи пріѣзжими предсѣдателями крестьянскихъ комиссій, изъ просматриваемыхъ мною документовъ и изъ частныхъ разговоровъ съ членами разныхъ крестьянскихъ комиссій. Теперь пришлось мнѣ испытать всѣ эти трудности на себѣ лично.

На другой день, въ условленное время, мы собрались въ канцеляріи Калишской комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ, и я официально вступилъ въ должность предсѣдателя ея. Присутствовали я, Раговинъ, Рычковъ. Я объяснилъ двумъ моимъ товарищамъ, что, разсматривая полтора мѣсяца представленія изъ Калишской комиссіи ликвидаціонныя табели, я освоился съ ходомъ дѣла въ этой комиссіи; отношусь съ полнымъ уваженіемъ къ трудолюбію, любви къ дѣлу членовъ комиссіи. Въ Центральной комиссіи было однако не утверждено и возвращено въ Калишскую комиссію значительное число ликвидаціонныхъ табелей, по разнымъ, въ сущности незначительнымъ причинамъ: неясности изложенія нѣкоторыхъ протоколовъ, чересчуръ явнаго стремленія комиссіи рѣшать сомнительные споры въ пользу крестьянъ; только нѣсколько табелей возвращены по недостаточному разслѣдованію дѣла комиссарами. Я предложилъ начать вашу работу съ разсмотрѣнія этихъ возвращенныхъ табелей. Какъ на грѣхъ, первая ликвидаціонная табель, въ которую мы ввалились, была именно съ краснорѣчивымъ, но очень безтолковымъ протоколомъ Раговина. Самолюбіе его было

вадѣто за живое; онъ кипятился, доказывалъ ясность изложе- нія. Я высказалъ ему, что съ высшей инстанціей спорить не- удобно, и заставить ее признать яснымъ то, что десять членовъ ее признали плохо изложеннымъ, невозможно, а надо наложить дѣло иначе. Рагозинъ разобидѣлся, сказалъ, что не считаетъ себя обязаннымъ производить эту работу второй разъ изъ-за капризовъ членовъ Центральной комиссіи. Видя, что онъ уперся, и его не переубѣдишь, я отложилъ таблиць и сказалъ: изъ на- стоящей бесѣды нашей и разъясненій Н. П. Рагозина я понялъ теперь суть дѣла и прошу выслушать докладъ мой объ этомъ, чтобы убѣдиться, правильно ли понялъ я дѣло. Они признали изложеніе мое вѣрнымъ; тогда я сказалъ, что къ завтрашнему за- сѣданію нашему я изложу его письменно. Если члены согласятся съ изложеніемъ моимъ, мы подпишемъ протоколъ и пошлемъ его на заключеніе Центральной комиссіи; но моему убѣжденію, дѣло не требуетъ никакого дополнительнаго разслѣдованія. Мы перешли къ разсмотрѣнію прочихъ возвращенныхъ ликвида- ціонныхъ таблиць; я конечно выбиралъ такія, гдѣ не было про- токоловъ Рагозина, чтобы не раздражать его еще больше.

При разсмотрѣніи ликвидаціонной таблицы, въ которой Цен- тральная комиссія признала неправильную втяжку въ пользу крестьянъ, Рагозинъ опять заспорилъ. Рычковъ заявилъ, что хотя онъ подписалъ протоколъ разсмотрѣнія этой ликвидаціон- ной таблицы, но какъ скоро Центральная комиссія признала рѣ- шеніе Калишской комиссіи неправильнымъ, онъ не считаетъ себя въ правѣ не подчиняться постановленію высшей инстанціи, и подчиняется ея указаніямъ. Я поручилъ ему собрать необхо- димыя справки и составить къ слѣдующему засѣданію нашему новый докладъ, если въ канцеляріи комиссіи есть достаточно данныхъ для новаго разрѣшенія дѣла; въ противномъ случаѣ, направить дѣло къ комиссару для дополнительнаго разслѣдо- ванія. Нѣсколько такихъ ликвидаціонныхъ таблиць я передалъ Рагозину, для подобнаго же направленія ихъ. Я объяснилъ ему, что свое личное несогласіе съ мнѣніемъ большинства онъ можетъ оговорить въ протоколѣ, но отказаться отъ исполненія поручаемой ему работы онъ не имѣетъ права.

Подчиняясь этому моему требованію, онъ заявилъ, что до сихъ поръ въ Калишской комиссіи дѣла рѣшались въ общемъ собраніи всѣхъ членовъ комиссіи, то-есть при полномъ собра- нии всѣхъ комиссаровъ, а потому удобно ли рѣшать дѣла завтра въ отсутствіи комиссаровъ. Я разъяснилъ ему, что Централь- ная комиссія обратила вниманіе на это и въ лицѣ М. П. Гор-

лова поручила мнѣ разъяснить членамъ Калишской комиссіи, что это расточительная трата силъ и времени комиссаровъ. Подобныя общія засѣданія полезны и даже необходимы для обсужденія какихъ-либо общихъ затруднительныхъ вопросовъ, а не для разсмотрѣнія каждой провѣренной ликвидационной таблицы. Членъ, завѣдывающій дѣлами Учредительнаго Комитета, Н. А. Соловьевъ, поручилъ мнѣ вызывать по очереди, для присутствованія въ засѣданіяхъ Калишской комиссіи, по одному комиссару, и избѣгать сбора всѣхъ комиссаровъ; это отвлекаетъ ихъ отъ прямого ихъ дѣла, занятій въ предѣлахъ ихъ участковъ. Мы тутъ же распредѣлили засѣданія Калишской комиссіи на двѣ недели впередъ, и я назначилъ, кому изъ комиссаровъ засѣдать въ каждомъ изъ этихъ засѣданій, и имъ послали повѣстки о томъ. На первое засѣданіе, на слѣдующій день, былъ вызванъ комиссаръ 1 участка, жившій въ Калишѣ, князь Николай Николаевичъ Голицынъ.

Прямо изъ засѣданія я пошелъ познакомиться съ княземъ Голицынымъ. Рычковъ объяснилъ мнѣ, что онъ живетъ въ одномъ домѣ съ нимъ, и мы пошли туда вдвоемъ. Князь Н. Н. Голицынъ былъ очень умный и оригинальный человекъ. Я зналъ его старшаго брата музыканта, который въ то время завелъ хоръ пѣвцовъ по образцу Славянскаго. Я слышалъ этотъ хоръ въ Москвѣ, въ Павловскѣ, и тамъ познакомился съ этимъ талантливымъ музыкантомъ; онъ самъ дирижировалъ хоромъ на концертахъ. Князь Николай Николаевичъ обладалъ не меньшими способностями, но направилъ свой умъ и дѣятельность на другой путь. Онъ былъ литераторъ, гдѣ-то что-то писалъ; онъ не посвятилъ себя однако же вполне литературѣ, а какъ курскій помѣщикъ служилъ чиновникомъ особыхъ порученій у курскаго губернатора Дена, былъ кандидатомъ мирового посредника, исполнялъ должность мирового посредника; ему было лѣтъ тридцать. Наградивъ его умомъ, талантами, природою обидѣла его физически: отъ болѣзни одна нога его была обезображена, онъ ходилъ на костыляхъ; а костыли изуродовали весь станъ его. Лицо у него было некрасивое, но умное, пріятное. Человекъ онъ былъ небогатый, но баринъ въ душѣ.

Съ нимъ и съ Рычковымъ у меня оказалось много точекъ соприкосновенія; оба помѣщики, изъ образованнаго круга, оба любители литературы, много читали; нашлись общіе знакомые. Живя въ одномъ домѣ, рядомъ, они вели общее хозяйство; они пригласили меня отобѣдать съ ними. Мы разговорились, дошли конечно до дѣлъ комиссіи, и я узналъ у нихъ о существованіи

въ Калишской комиссіи двухъ партій, консервативной и либеральной. Рычковъ, князь Голицынъ были членами консервативной партіи; Рутценъ, Рагозинъ и за ними большинство комиссаровъ были либералы. Вся сущность либерализма ихъ была очень наивная, односторонняя и состояла: въ рѣшеніи каждаго спорнаго дѣла между помѣщиками и крестьянами, во что бы то ни стало, въ пользу крестьянъ, а въ спорѣ поляка съ русскимъ полякъ долженъ быть всегда виноватъ. Всѣ эти добродушные люди были ярыми монархистами, безусловными вѣроподданными, добрыми христианами, всѣ православные, ненавистники католицизма. Въ числѣ ихъ было три вѣмца: Фрейлебенъ, баронъ Розенъ и Грюнеръ, но и эти признавали себя вполне русскими. Либеральное направленіе шло исключительно отъ Рутцена; своимъ умомъ, образованіемъ, опытною и сильнымъ характеромъ онъ подчинилъ себѣ всю молодежь и старика Грюнера, и тѣ повторяли слѣпо, слово въ слово, его вѣрованіе. Остались самостоятельными Рычковъ, князь Голицынъ, Фрейлебенъ. Рычковъ и князь Голицынъ увѣряли меня, что всегда спорили съ Рутценомъ, указывали въ засѣданіяхъ ошибки Калишской комиссіи, теперь указанныя ей и Центральной комиссіей, но не протестовали официально, не подавали отдѣльныхъ мнѣній, изъ духа товарищества.

Вечеромъ, дома, я занялся передѣлкой Рагозинскаго протокола; сократилъ его, упростилъ и написалъ на двухъ страницахъ, что онъ растянулъ на пять страницъ. На другой день, въ засѣданіи, я прочиталъ написанное мною. Добродушный, честный Рагозинъ призналъ, что такъ дѣйствительно лучше; всѣ четверо присутствовавшихъ подписали его, и дѣло кончилось. Нѣсколько ликвидационныхъ табелей послали комиссарамъ для подготовительнаго разслѣдованія; большинство же удалось исправить въ комиссіи. Покончивъ съ ними, мы разобрали остальные возвращенныя изъ центральной комиссіи ликвидационныя табели; Рагозинскіе протоколы передѣлывать я взялъ на себя.

На слѣдующія засѣданія постепенно являлись все новые комиссары, и я познакомился такимъ образомъ со всѣми ими. Пожилыхъ было два—Фрейлебенъ и Грюнеръ; остальные всѣ были молодые люди, отъ 25 до 30 лѣтъ. Всѣхъ комиссаровъ въ Калишской комиссіи было десять; пятеро были офицеры, пятеро гражданскіе чиновники. Калишская комиссія была самая большая изъ всѣхъ крестьянскихъ комиссій въ Царствѣ; больше ея была только Августовская комиссія, въ которой было 12

участковъ. Ознакомившись съ комиссарами, я пришелъ къ отрадному убѣжденію, что въ числѣ ихъ есть нѣсколько чело- вѣкъ съ выдающимися способностями, что всѣ они честныя, благородныя люди, работаютъ усердно, любятъ свое дѣло, пре- даны ему всею душою. Ошибки ихъ происходили отъ избытка усердія, отъ того, что они не вѣрно понимали, въ чемъ именно должна выразаться ихъ защита интересовъ крестьянъ. Я объяснилъ имъ, что Учредительный Комитетъ, руководящій всѣмъ дѣломъ переустройства Царства Польскаго, поставилъ основнымъ правиломъ дѣятельности крестьянскихъ комиссій полную, постоянную законность дѣйствій. Наказаніе мятежныхъ повстанцевъ, всей враждебно настроенной къ правительству и русскимъ людямъ шляхты, Учредительный Комитетъ предоста- вилъ администраціи, военнымъ властямъ, суду. Крестьянскія учрежденія — центральная по крестьянскимъ дѣламъ комиссія, мѣстныя крестьянскія комиссіи не касаются политической благо- надежности лицъ, дѣла которыхъ онѣ разбираютъ, а только опре- дѣляютъ гражданскія, имущественныя дѣла тѣхъ лицъ. Уго- ловныя, политическія поступки ихъ не подлежатъ вѣдѣнію комиссаровъ, помѣщикъ можетъ быть повстанецъ, уголовный преступникъ, но когда разсматривается жалоба крестьянъ, что онѣ занялъ ихъ пустоку, лишилъ ихъ сервитута, и жалоба эта оказывается неосновательной, комиссаръ обязанъ отказать кре- стьянамъ въ искѣ ихъ и оставить этому повстанцу, уголовному преступнику оспариваемую у него землю, сервитутъ. На пер- вый взглядъ такой образъ дѣйствій показался членамъ Ка- лишской комиссіи не патриотичнымъ, несправедливымъ; они ви- дѣли въ этомъ поддержку полонизма, безнаказанность револю- ціонныхъ дѣйствій; но, вдумываясь въ сущность дѣла, они мало-по-малу, одинъ за другимъ, сознали правильность этого основнаго правила и подчинились ему.

Черезъ мѣсяць, по распоряженію Н. А. Соловьева, данному мнѣ при отправкѣ моей въ Калишь, я донесъ о положеніи дѣла въ Калишской комиссіи. Я написалъ ему, что весь личный составъ комиссіи прекрасный, что споры и розни между членами комиссіи, замѣченныя Центральною комиссіей, происходили не отъ личныхъ столкновений, а отъ излишняго увлеченія дѣломъ нѣкоторыхъ членовъ. Я разъяснилъ имъ ошибочность ихъ увле- ченій, они сознали ее, и я буду наблюдать, чтобы этой розни не было. Соловьевъ остался очень доволенъ моимъ донесеніемъ и выразилъ полное одобреніе моему образу дѣйствія.

Обращая главное вниманіе на правильное направленіе дѣлъ въ Калишской комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ, я въ свободные часы, мало-по-малу, устроилъ в свою частную жизнь. Шляхетство признало однимъ изъ средствъ насолить русскимъ людямъ, чиновникамъ, отравить имъ жизнь въ Польшѣ, отъсняя ихъ во всемъ нужномъ для существованія, для удобства. Народовый жондъ запретилъ отдавать въ наймы квартиры русскимъ чиновникамъ. Въ первые дни существованія Калишской комиссіи это распоряженіе революціоннаго подпольнаго правительства дѣйствительно поставило членовъ комиссіи въ очень затруднительное положеніе. Военные начальники, всегда во всемъ поддерживавшіе, сдѣлали тотчасъ распоряженіе объ отводѣ членамъ крестьянской комиссіи квартиръ постоемъ. По требованію моему, магистратъ города Калиша отвелъ мнѣ прекрасную квартиру. Я купилъ у нѣмца столяра необходимую мебель и переѣхалъ изъ гостиницы Пешке въ свою квартиру. Прислугу, лакея, я привезъ изъ Смоленской губерціи, кухарку мнѣ нашла нѣмка, очень хорошую женщину; близость Прусской границы дѣлала возможнымъ подборъ прислуги изъ нѣмцевъ.

По пріѣздѣ моемъ въ Калишъ, я сдѣлалъ визиты лицамъ, занимавшимъ высшіе служебные посты. Начальства въ Калишѣ у меня не было никого, я явѣстилъ ихъ какъ равный. Такихъ лицъ въ Калишѣ было двое: начальникъ пѣхотной дивизіи, расположенной въ Калишѣ, генералъ-лейтенантъ Бельгардъ (онъ исполнялъ одновременно должность военнаго начальника этой мѣстности), и полковникъ генеральнаго штаба князь Щербатовъ, который былъ гражданскимъ начальникомъ этой мѣстности. Съ генераломъ Бельгардомъ я не былъ знакомъ, но прекрасно зналъ его по гвардіи, гдѣ онъ командовалъ 2-ой гвардейской пѣхотной дивизіей, это былъ боевой генералъ, кавказецъ.

Офицеръ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, онъ въ молодыхъ лѣтахъ, по своей охотѣ, поѣхалъ на службу на Кавказъ и провелъ тамъ полжизни въ боевой Кавкавской обстановкѣ. Въ 1855 году, на Дунаѣ, онъ командовалъ кажется бригадой, отличился съ этой бригадой въ отчаянной битвѣ съ турками, задержалъ переправу ихъ черезъ Дунай при Четати; получилъ гвардейскую дивизію, но командовалъ ею не долго. Кажется, у него вышло столкновение съ шефомъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ, и онъ, разобиженный, вышелъ въ отставку. Служа тогда въ гвардіи, я зналъ эту исторію; гвардія оправдывала

Бельгарда. Отставной генералъ, онъ поселился въ Петербургѣ, гдѣ у него былъ собственный домъ; какъ богатый человекъ, появлялся вездѣ и держалъ себя гордо. Когда въ Польшѣ разгорѣлось повстанье, туда двинули войска, Бельгардъ предложилъ свои услуги. Какъ опытнаго, боевого генерала, его конечно тотчасъ принявъ, дали ему дивизію и послали въ Калишъ. Зная все это, я очень охотно пошелъ представиться Карлу Александровичу. И высказалъ ему, что знаю его прошлое, уважаю его; онъ принялъ меня очень радушно, познакомилъ съ своею семьею, и у насъ завязались дружескія отношенія.

Князя Александра Петровича Щербатова я зналъ съ производства его въ гвардію офицеромъ. Когда, окончивъ курсъ Военной Академіи, онъ поступилъ въ гвардейскій генеральный штабъ, я часто сталкивался съ нимъ и въ обществѣ, и по службѣ. Это былъ свѣтскій человекъ, образованный, веселый, душа общества. Когда князь Александръ Петровичъ появлялся въ гостиной, бесѣда оживлялась, онъ овладѣвалъ разговоромъ, дамы любяли слушать его острия, часто колкія шутки. Мы встрѣтились въ Калишѣ какъ старые знакомые. Онъ недавно женился на М. Н. Деревницкой, очень красивой, образованной дѣвицѣ. У нея была оригинальная особенность: замѣчательно высокій для женщины ростъ; вѣсится, около 2 аршинъ 11 вершковъ. Къ счастью, она была прекрасно сложена, худощавая, съ маленькою очень красивой головкою, маленькими руками и ногами; это скрывало величину ея роста и всѣ любовались ею. Князь познакомилъ меня со своею женою; тутъ образовался для меня второй дружескій, семейный домъ.

Въ Калишѣ стояли пѣхотный Шлиссельбургскій полкъ и пѣшая артиллерійская батарея. Командиры полка и батареи не подходили къ моимъ понятіямъ и вкусамъ, и у насъ не завязалось ничего, кромѣ полуофициальныхъ отношеній. Этими людьми и ограничивался въ ту минуту весь составъ русскаго населенія города. К. Л. Бельгардъ, князь А. П. Щербатовъ, Рагозинъ, Рычковъ, князь Голицынъ составляли кружокъ, въ которомъ я прожилъ много лѣтъ, все время моей службы въ Калишѣ.

Калишъ былъ тогда уѣздный городъ Варшавской губерніи. Онъ расположенъ въ двухъ верстахъ отъ Прусской границы; это самая западная точка Русской Имперіи, ирѣзнявшаяся въ Пруссію. Черезъ городъ протекаетъ рѣка Просна; она не широка, но многоводна и быстра. Отъ Варшавы до Калиша идетъ прекрасное, старинное шоссе. Городъ этотъ не большой; въ немъ тогда было около 15.000 жителей, исключительно поляковъ; были

еврей, но не много; поляки держали ихъ въ черномъ тѣлѣ; нѣмцевъ, несмотря на близость границы Германіи, было очень мало. Городокъ былъ чистенькій, весь застроенъ каменными домами, большею частью двухъ-этажными, торговли, промышленности не было; были только магазины для удовлетворенія неприхотливыхъ потребностей мѣстныхъ жителей. Фабрика была одна, суконная, Рейгана. Дѣла этой фабрики были сильно подорваны повстаніемъ, и она почти бездѣйствовала. Въ городѣ было нѣсколько католическихъ монастырей и костеловъ. Большая часть монастырей была закрыта за участіе въ повстаніи, аданія ихъ конфискованы и заняты войсками; остались сохранными, кажется, только два мужскихъ монастыря. Самое большое и красивое аданіе былъ дворецъ. Въ немъ помѣщалась нѣкогда іезуитская коллегія; при изгнаніи іезуитовъ, аданіе это было конфисковано; въ немъ помѣстили школу военныхъ подираторщиковъ польскихъ войскъ. Школа эта участвовала въ революціи 1830 года, была закрыта. Часть занятаго школою аданія была обращена въ казармы для русскихъ войскъ, занявшихъ Калышъ; другая часть аданія, болѣе красивая и нарядная, отдѣлана для пріѣзда Императора Александра I. Здѣсь онъ принималъ прусскаго короля во время знаменитыхъ маневровъ въ окрестностяхъ Калыша. Въ воспоминаніе этихъ маневровъ, передъ дворцомъ воздвигнутъ памятникъ, въ видѣ высокой четырехгранной пирамиды. Въ 1866 году два верхніе этажа дворца пустовали; низшій этажъ занятъ былъ кавначействомъ. Въ память императора Наполеона I, очень красивая тѣнистая аллея, устроенная въ городѣ, названа Жозефинскою, какъ называлась первая супруга Наполеона. Украшеніемъ Калыша былъ прелестный паркъ, расположенный подлѣ самаго дворца, на берегу рѣки.

Онъ заросъ старинными громадными деревьями; аллеи его состояли изъ столѣтнихъ тополей, и развѣсистыхъ березъ. Въ паркѣ была кондитерская, около которой, по вечерамъ, собирались гуляющіе. Въ городѣ не было театра, клуба, никакого общественаго собранія. Какъ жили, развлекались при такихъ условіяхъ мѣстные жители—не знаю; но для русскихъ людей жизнь въ этомъ мертвомъ городѣ была тяжела. На улицахъ движеніе было слабое; извозчиковъ вовсе не было; кто и куда могъ тутъ ѣхать? разстоянія были такъ малы, что всѣ передвиженія дѣлались пѣшкомъ. Городъ былъ, однако, вымощенъ и улицы содержались чисто.

Не удивительно, что при такихъ условіяхъ, мы, русскіе, усердно занимались дѣломъ. Наше общество, Калышская ко-

миссія по крестьянскимъ дѣламъ, оживлялось 20-го числа каждаго мѣсяца, когда комиссары прѣвѣжали въ Калишъ получить жалованье. Они уговаривались обыкновенно съѣзжаться туда одновременно, чтобы повидаться и немного оживиться въ товарищескомъ кружкѣ.

Мои отношенія къ нимъ сдѣлались очень быстро дружескими, товарищескими. Они поняли, что я люблю крестьянское дѣло, даже больше ихъ, знаю его основательно, берегу его, не стѣсняю ихъ ни въ чемъ, требую только то, что требуютъ законъ, Центральная комиссія.

Для разсмотрѣнія спорныхъ вопросовъ, или такихъ, которые комиссаръ ватруднялся рѣшить единолично, посылались на мѣсто отдѣленія крестьянской комиссія, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя комиссія, или его товарища. Я сдѣлалъ нѣсколько такихъ поѣздокъ, чтобы ознакомиться съ мѣстными понятіями и обычаями; но большею частью, поручалъ эти поѣздки моимъ товарищамъ. Они любили эти поѣздки, какъ развлеченіе въ однообразной жизни ихъ, какъ отвлеченіе отъ занятій въ канцеляріи комиссія. А я считалъ, что мое присутствіе полезно въ Калишѣ, гдѣ я внимательно провѣрялъ ликвидационныя таблицы, представленныя комиссарами, и разбиралъ все жалобы, представляемыя на ихъ дѣйствія.

Эти жалобы были черною точкою, мученіемъ дѣятельности крестьянской комиссія. Каждое дѣйствіе, каждое постановленіе комиссара или комиссія систематически обжаловывалось помѣщиками, шляхтою; ²/₁₀ этихъ жалобъ было неосновательно. Подавая ихъ, помѣщики очень хорошо сознавали это, но дѣлали, чтобы ватруднить дѣйствія комиссія, отнять у нея время, надѣсть ей, сбить ее съ толку. Жалобы подавались письменю и словесно. Каждый день, около 11 часовъ утра, въ пріемной канцеляріи было нѣсколько такихъ жалобщиковъ. Большинство изъ нихъ могло прекрасно объясняться по-русски, но упорно говорили по-польски, чтобы ватруднить меня. Я свободно говорилъ по-французски, по-нѣмецки, я спрашивалъ ихъ: не могутъ ли они объяснить свое дѣло на одномъ изъ этихъ языковъ. Очень рѣдко она соглашалась на это, и если дѣлали это, то не изъ любезности, не изъ желанія помочь мнѣ, а изъ тщеславія, чтобы показать, что знаютъ не хуже меня эти языки. Но истинною за яввою были жалобщицы—польскія дамы. Онѣ являлись съ полною увѣренностью ошеломить меня своею красотою, кокетствомъ. Если такая жалобщица была не молодая, некрасивая, она являлась къ сопровожденію какой-либо молодой, красивой

особы, которая, оставаясь въ роли статистки, молчала и должна была отвлекать мое вниманіе свою прелестью. Хотя и были молодъ, холостъ, возни этихъ дамъ оставались всегда непронзводительными; меня никогда не плѣнили польки; кокетство ихъ было мнѣ всегда непріятно.

Необходимость разбирать польскіе документы, представляемые при ликвидаціонныхъ табеляхъ и при разрѣшеніи разныхъ имущественныхъ споровъ, заставили меня изучать польскій языкъ. Я скоро настолько освоился съ нимъ, что свободно читалъ всѣ подаваемые мнѣ на польскомъ языкѣ прошенія, документы. Читалъ я все это не торопясь, справляясь иногда со словаремъ; но бѣглая разговорная рѣчь затрудняла меня. Я кое-какъ объяснялся съ крестьянами, благодаря тому, что они старались понять меня, помогали мнѣ. Въ сношеніяхъ же съ помѣщиками, особенно съ паннами, я возбуждалъ недоумѣніе своихъ собесѣдницъ моими неудачными выраженіями, а иногда даже улыбки и смѣхъ. Чтобы избавитъ себя отъ этого, я придумалъ слѣдующее: при Калишской комиссіи состоялъ молодой русскій чиновникъ, подготовившійся въ комиссары; по нашему русскому обычаю—кандидатъ мирового посредника (комиссара). Такіе чиновники были при всѣхъ крестьянскихъ комиссіяхъ, и ихъ почему-то прозвали *молодыми людьми*. Такого молодого человѣка, состоявшаго при Калишской комиссіи, благо онъ хорошо говорилъ по-польски, я возвелъ въ должность переводчика, при моихъ разговорахъ съ помѣщиками. Я поручалъ ему передавать жалобщикамъ-помѣщикамъ мой отвѣтъ, сказанный по-русски въ польскомъ переводѣ. Можно себѣ представить, какъ медлительнъ и затруднителенъ былъ такой способъ разговора. Молодой человѣкъ вѣдь тоже не Богъ знаетъ какъ говорилъ по-польски! На его ошибки поляки не улыбались, а сердились; а панны даже бранились, обижались. Я достигъ однако этимъ того, что польскіе разговоры сократились, чаще слышались русскія объясненія, или французскія и нѣмецкія.

Въ ноябрѣ я поѣхалъ въ Варшаву, для личнаго доклада Якону Александровичу Соловьеву о положеніи дѣла въ Калишской крестьянской комиссіи. Онъ встрѣтилъ меня словами:

— Радуюсь, что не ошибся, вѣривъ вамъ Калишскую комиссію. Особенно пріятно, что вы такъ спокойно, безъ поины и борьбы, сумѣли подчинить своему нравственному авторитету членовъ этой комиссіи, успокоили ихъ и придали правильное направленіе ихъ дѣятельности.

Ему особенно пріятно было, что я призналъ возможнымъ

оставить всѣхъ комиссаровъ на мѣстахъ, не требовалъ ни удаленія, ни перемѣщенія кого-либо изъ нихъ. Онъ очень интересовался моими отношеніями къ Рагозину и Рычкову. Онъ отзывался очень хорошо о Рычковѣ, но совѣтовалъ не давать ему *возноситься*: „Онъ способный человекъ, но слишкомъ высокаго мнѣнія о себѣ!“ Онъ высказалъ мнѣ, что Рагозинъ недолго останется въ Калишской комиссіи, выйдетъ въ отставку. Самолюбіе его, несомнѣнно, очень оскорблено тѣмъ, что Соловьевъ не назначилъ его предсѣдателемъ комиссіи. Рутценъ настоячиво ходатайствовалъ о назначеніи Рагозина предсѣдателемъ Калишской комиссіи; онъ, Соловьевъ, помня безтолковыя работы Рагозина, его промахи, недовѣрчиво отнесся къ похваламъ Рутцена, вызвалъ его въ Варшаву.

— Вы помните нашу бесѣду на столомъ. Я убѣдился, что это человекъ безхарактерный, безъ опредѣленныхъ мнѣній, поетъ подъ чужую дудку. Онъ шатается самъ; какъ можетъ онъ направить другихъ! Онъ никогда не будетъ предсѣдателемъ комиссіи! При случаѣ, разъясните ему это, отъ моего имени.

На мои похвалы князю Н. Н. Голицыну онъ отвѣтилъ:

— Да, онъ умный, способный человекъ, но лѣлтяя. Неужели онъ дѣйствительно работаетъ? и работы его основательны? Не хватаетъ ли онъ вершка? У него нѣтъ выдержка. Я знаю его по Курской губерніи. Мнѣ пришлось вникнуть тамъ въ одно его разслѣдованіе, порученное ему губернаторомъ Деномъ. Дѣло было серьезное; ничего онъ тамъ не понялъ, прозѣвалъ много.

Разговоръ мой съ Горловымъ не касался личнаго состава, но онъ утѣшилъ меня извѣстіемъ, что всѣ исправленныя подъ личнымъ моимъ руководствомъ ликвидаціонныя табели, возвращенныя изъ Центральной комиссіи, теперь безспорно утверждены. Вновь представленныя ликвидаціонныя табели, просмотрѣнныя Калишской комиссіей подъ моимъ предсѣдательствомъ, проходятъ въ Центральной комиссіи гладко, всѣ утверждены. Центральная комиссія замѣтила, что теперь работы комиссаровъ Калишской комиссіи стали много основательнѣе; нѣтъ прежнихъ пристрастныхъ увлеченій.

Я провелъ въ Варшавѣ около недѣли; присутствовалъ въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ Центральной комиссіи, много бесѣдовалъ съ членами, ободрился, укрѣпился духомъ и возвратился въ Калишъ съ хорошими вѣстями. Товарищи мои и всѣ комиссары были очень довольны, узнавъ, что работы ихъ заслужили полное одобреніе; возвращеніе ликвидаціонныхъ та-

белей въ былое время очень огорчало ихъ. Теперь они знали, какъ надо дѣйствовать съ полною увѣренностью, что работа ихъ не пропадетъ, что ихъ не встанятъ передѣлывать се.

Калишская по крестьянскимъ дѣламъ комиссія въ 1867—1870 годахъ.

1867 годъ былъ роковой для бывшей автономіи Царства Польскаго. Декабря 19-го 1866 года Высочайшимъ Именнымъ Указомъ: „О пономъ устройствѣ губернскаго и уѣднаго управленій въ Царствѣ Польскомъ“ все прежнее гражданское устройство Царства уничтожено, а 1-го января 1867 года введено новое. Въ замѣну существовавшихъ пяти губерній, учреждено десять новыхъ губерній, въ томъ числѣ Калишская, съ губернскимъ городомъ въ Калишѣ. Произведено было также новое дѣленіе уѣздовъ; Калишская губернія раздѣлена на 8 уѣздовъ. Всѣ чиновники прежняго гражданского управленія уволены; назначены новые, преимущественно русскіе; дѣлопроизводство въ новыхъ учрежденіяхъ опредѣлено вести на русскомъ языкѣ. Затѣмъ, въ теченіе 1867 года, упразднены Государственный Совѣтъ Царства Польскаго, всѣ Правительственныя Комиссіи, вѣдомства эти подчинены соответственнымъ министерствамъ Имперіи. Царство Польское вполнѣ вошло въ составъ русской Имперіи, лишлось послѣднихъ слѣдовъ своей бывшей самостоятельности, обращено въ однородныя со всеми другими, русскія губерніи, управляемая по однимъ законамъ съ остальною имперіею.

Калишскимъ губернаторомъ былъ назначенъ князь А. П. Щербатовъ, вице-губернаторомъ Павелъ Николаевичъ Рыбниковъ. Уѣдныя начальники (исправники) опредѣлены исключительно русскіе, помощники ихъ, называемые земскими начальниками, также русскіе; совѣтники Губернскаго Правленія наполовину русскіе; это допущено было въ виду незнакомства русскихъ чиновниковъ съ мѣстными законами и условіями жизни. Образовано было жандармское управленіе — конечно все изъ русскихъ людей.

1-го января 1867 года, послѣ обычной литургіи въ православной церкви, всѣ вновь назначенные чиновники, всѣ офицера расположенныхъ въ Калишѣ войскъ, всѣ русскіе гражданскіе чиновники, прежде водворенные на службу въ Царствѣ Польскомъ, въ томъ числѣ крестьянская комиссія въ полномъ

составѣ, собрались въ большомъ залѣ дворца. Вновь назначенный губернаторъ князь Щербатовъ прочиталъ Высочайшій Указъ 19-го декабря 1866 года, Высочайшія распоряженія о вновь назначенныхъ властяхъ, и объявилъ Калишскую губернію открытою. Отслуженъ былъ въ залѣ благодарственный молебенъ, новый губернаторъ принялъ поздравленіе отъ всѣхъ насъ съ совершившимся благополучно крупнымъ событіемъ, съ новымъ его личнымъ назначеніемъ, съ новымъ годомъ, съ новою живнью, наступившею для всего Царства Польскаго.

Образованіе новыхъ губерній отразилось и на устройствѣ комиссій по крестьянскимъ дѣламъ. Существовавшіе отдѣлы крестьянскихъ комиссій были преобразованы въ 10 комиссій, по числу губерній. Границы отдѣловъ крестьянскихъ комиссій были опредѣлены по границамъ новообразованныхъ губерній. Постановленіе Учредительнаго Комитета объ образованіи Калишской комиссіи въ новомъ составѣ состоялось 20 апрѣля 1867 г. Въ каждомъ изъ 8 уѣздовъ былъ назначенъ участковый комиссаръ; сверхъ того, въ виду обширности пространства и густого населенія Калишской губерніи, прибавлено крестьянской комиссіей еще два комиссара безъ участковъ, исключительно для ускоренія повѣрки ликвидационныхъ табелей. Въ личномъ составѣ Калишской комиссіи произошли при этомъ небольшія перемѣны. Отъ Калишской комиссіи отошелъ къ Петроковской комиссіи Ласскій уѣздъ, вошедшій въ составъ Петроковской губерніи. При этомъ переведенъ въ ту комиссію комиссаръ Стаховичъ, завѣдывавшій этимъ участкомъ, прекрасный дѣятель и товарищъ. Отъ Петроковской комиссіи сданъ былъ въ Калишскую Серадзскій уѣздъ, и переведенъ къ намъ комиссаръ, завѣдывавшій этимъ участкомъ. Варшавская комиссія передала намъ Ленчицкій уѣздъ и комиссара Стендерла. Передвиженія эти произошли очень быстро, спокойно, и нисколько не отразились на быстротѣ и правильности повѣрки ликвидационныхъ табелей. Въ теченіе 1867 года все вниманіе Калишской комиссіи было обращено на усиленную повѣрку ликвидационныхъ табелей, и она шла очень успѣшно.

Образованіе Калишской губерніи очень увеличило число русскихъ людей въ Калишѣ. Изъ новопривывшихъ особенно обратилъ на себя общее вниманіе вице-губернаторъ Рыбниковъ. Это былъ образованный, мыслящій человекъ, литераторъ. Онъ происходилъ изъ богатой московской купеческой семьи; отецъ его, милліонеръ, былъ кажется оптовымъ чайнымъ торговцемъ. Павелъ Николаевичъ не пожелалъ идти по слѣдамъ своего

отца. Онъ, кажется, былъ въ Московскомъ университетѣ, убѣжденный славянофилъ. Женатъ былъ онъ на баронессѣ Штемпель; у него были двѣ малютки дочери, красавицы. Надо сказать, что самъ Павелъ Николаевичъ былъ очень красивый мужчина, русскаго типа, съ черными глазами. Не помню, какъ и за что онъ былъ удаленъ изъ Московскаго университета, сосланъ въ Олонецкую губернію. Время этой ссылки онъ употребилъ съ большою пользою: онъ сталъ изучать населеніе Олонецкой губерніи, былъ пораженъ чистотою тамошняго русскаго типа населенія. Дальность оборонила эти мѣста отъ нашествій татаръ, поляковъ. Онъ сталъ записывать народныя преданія, пѣсни и составилъ свой замѣчательный „Сборникъ русскихъ былинъ“. Этотъ Сборникъ обратилъ на Рыбникова вниманіе русскаго образованнаго общества. Вина, за которую онъ былъ высланъ въ Олонецкую губернію, была такъ невелика, что друзьями его, славянофиламъ, удалось хлопотать ему разрѣшеніе возвратиться въ Москву. Князь Черкасскій опредѣлялъ его къ себѣ на службу, въ Правительственную комиссію внутреннихъ дѣлъ и назначилъ вице-губернаторомъ въ Калишъ. Въ лицѣ Рыбникова нашъ небольшой русскій кружокъ получилъ блестящее приращеніе. Онъ сдѣлался очень быстро искреннимъ товарищемъ и пріятелемъ нашимъ.

Русское общество въ это время лишилось тоже нѣсколькихъ любимыхъ своихъ членовъ. Предсказаніе Соловьева, что Рагозинъ не долго останется на службѣ — оправдалось. Не прошла еще зима, какъ Николай Павловичъ, передъ началомъ служебныхъ занятій, пришелъ ко мнѣ въ кабинетъ и подалъ мнѣ прошеніе объ увольненіи его отъ службы. Меня это очень огорчило. Я не исполнилъ порученіи Соловьева—объяснить Рагозину, что онъ не долженъ надѣяться на повышение по службѣ; но онъ очевидно самъ понялъ это, и намекъ этотъ сдѣланъ былъ ему черезъ другое лицо. Я понималъ чувства оскорбленнаго самолюбія Рагозина и ничѣмъ не могъ утѣшить его. Я полюбилъ этого честнаго, увлекающагося, чернечуръ правдиваго человѣка.

Онъ велъ себя, въ отношеніи меня, прекрасно; работалъ усердно! Когда онъ подалъ мнѣ прошеніе свое, я высказалъ ему это и просилъ не уходить. Мы разговорились откровенно. Онъ выразилъ мнѣ свое уваженіе, увѣрялъ, что уходить по домашнимъ соображеніямъ, отнюдь не вслѣдствіе какого-либо неудовольствія на меня. Прошеніе было послано въ Варшаву; очень скоро получена была отставка Рагозина.

На мѣсто Рагозина, товарищемъ моимъ былъ назначенъ Ламанскій, бывшій помощникъ предсѣдателя Бѣльскаго комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ. При переустройствѣ губерній, отдѣлъ этой комиссіи вошелъ въ составъ Сѣдлецкой губерніи. Бѣльская комиссія была присоединена къ Сѣдлецкой комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ. Предсѣдатель комиссіи, Снявскій, оставилъ службу въ Учредительномъ Комитетѣ, а товарищъ его Ламанскій, былъ назначенъ въ Калишъ. Я не зналъ Ламанскаго, но въ частномъ искреннемъ письмѣ, Снявскій далъ мнѣ о немъ самый лучшій отзывъ. А Снявскому я вѣрилъ. Онъ былъ мнѣ землякъ, смоленскій помѣщикъ; мы служили съ нимъ въ Смоленской губерніи, гдѣ онъ былъ членомъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, и въ Сѣверо-Западномъ краѣ, гдѣ онъ былъ членомъ Совѣщательной комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ при генералъ-губернаторѣ. Приходъ опытнаго, серьезнаго Ламанскаго былъ пріятнымъ усиленіемъ для Калишской комиссіи. Ему было около 50 лѣтъ; онъ былъ старше всѣхъ насъ; но по пылкости, способности увлекаться, онъ былъ юноша, и его постоянно приходилось сдерживать. Это былъ типичный либераль 1860 годовъ: благородный, честный. Мы всѣ очень скоро дружески сошлись съ нимъ.

Съ переустройствомъ губерній, со введеніемъ въ ней новаго русскаго управленія, русская жизнь нахлынула къ намъ. Все шляхетское сопротивленіе потеряло почву, и проявленія его сдѣлались немыслимы. Жизнь русскихъ чиновниковъ вышла изъ осаднаго положенія, въ которомъ мы жили до того въ Польшѣ; стало легче на душѣ, веселѣе, охотнѣе работалось. Постепенныя преобразованія дошли до учебныхъ заведеній. Въ Калишѣ были: мужская и женская гимназіи; въ нихъ введено было преподаваніе на русскомъ языкѣ, директоръ мужской гимназіи и начальница женской были назначены русскіе. Въ теченіе зямы 1867—1868 годовъ составилось большое русское общество, и мы вышли изъ одиночества, въ которомъ жили до того времени, среди враждебнаго польскаго шляхетства.

22-го августа 1867 года было объявлено Высочайшее Повелѣніе объ отмиѣнѣ комиссіями по крестьянскимъ дѣламъ незаконныхъ рѣшеній гминныхъ судовъ по гражданскимъ дѣламъ. Распоряженіе это наложило на крестьянскія комиссіи новую, отвѣтственную обязанность; вмѣстѣ съ тѣмъ, оно еще болѣе сблизило комиссіи съ народомъ, заставило ихъ вникать въ новыя стороны жизни его, изучать нравы, обычаи его. Обжа-

лованій рѣшеній гминнаго суда поступило очень много и они доставили Калишской комиссiи много труда.

Со всѣми этими преобразованiями Калишская губернiя все болѣе и болѣе принимала видъ, обычаи и законы обыкновенной русской губернiи; настроенiе умовъ успокаивалось, слѣды бурнаго повстанiя сглаживались; спокойствiе это было признано официально.

Въ маѣ 1868 года фельдмаршалъ, намѣстникъ, графъ Бергъ объявилъ, что Государь Императоръ Александръ II, на обратномъ пути изъ-за границы, Францiи, предполагаетъ посѣтить Варшаву. Извѣстiе это взволновало всю Польшу. Мы, русскiе, радовались возможности увидѣть искренно любимаго нами Государя, народъ, крестьяне, видѣли въ прiѣздѣ Государя примиренiе съ Польшою: „что онъ признаетъ ее!“ Шляхетство молчало; польская аристократiя готовила депутацiю.

Въ искреннемъ восторгѣ народа, крестьянъ, я былъ увѣренъ. Я былъ достаточно близокъ къ нему, чтобы убѣдиться въ томъ. Вскорѣ послѣ обнародованiя извѣстiя о прiѣздѣ Государя, я получалъ отъ Соловьева извѣстiе, что Государю угодно принять въ Варшавѣ по два гминныхъ войта отъ каждой губернiи. Онъ поручилъ мнѣ выбрать двухъ, достойныхъ изъ гминныхъ войтовъ Калишской губернiи и представить ему списки ихъ, для утвержденiя выбора фельдмаршаломъ. Выборъ былъ затруднителенъ. Всѣ гминные войты умоляли дать имъ возможность видѣть Государя; большинство ихъ было достойно этой чести; всѣ комиссары настаивали на выборѣ войта гмины изъ ихъ участка. Выборъ мой остановился окончательно на войтѣ одной изъ гминъ Калишскаго уѣзда. Мнѣ назначено было прибыть съ выбранными войтами въ назначенный день въ Варшаву.

Варшава приняла праздничный видъ, разукрасилась.

Была середина лѣта, погода прелестная. На второй день по прiѣздѣ Государя въ Варшаву, всѣ предсѣдатели комиссiй, съ войтами гминъ ихъ губернiй, собраны были во дворѣ Бельведерскаго дворца. Представлять войтовъ гминъ должны были губернаторы и предсѣдатели крестьянскихъ комиссiй. Собранiе этихъ гминныхъ войтовъ представляло замѣчательное зрѣлище и выказало, какъ разнообразенъ и разнохарактеренъ составъ населенiя Царства Польскаго. Красотою своего типа, блестящимъ своимъ нарядомъ, выдавались мазуры. Бѣлые суконные вунтуши красиваго покрова, красныя конфедератки, гордыя лица ихъ, съ длинными черными усами были замѣчательно

красивы. Несчастнѣе, некрасивѣе всѣхъ, безпородистѣй, были, кажется, мои два войта. Одинъ изъ нихъ, кровный нѣмецъ, былъ въ черномъ фракѣ. Онъ постоянно ходилъ въ черномъ сюртукѣ, а для торжества надѣлъ свой фракъ, въ которомъ нѣкогда вѣнчался. Образцовый землевладелецъ, самъ съ сыновьями своими, вспахивавшій и обрабатывавшій свой земельный участокъ, онъ выбранъ былъ какъ замѣчательно дѣльный гминный войтъ; во время повстанья онъ выказалъ свое безстрашіе и преданность русскому правительству. Съ сыновьями своими, онъ преслѣдовалъ шайку повстанцевъ, явившихся въ его деревню. Другой гминный войтъ былъ полякъ, небольшого роста, въ сѣромъ крестьянскомъ парядѣ; тоже чрезвычайно дѣльный и преданный правительству войтъ, во нарядаости, щегольства, не было ни въ одномъ изъ нихъ; таково населеніе Калишской губерніи; оба войта могли говорить по-русски, слѣдовательно, могли понять слова Государя Императора и отвѣчать ему.

Часу во второмъ днѣ, Государь возвратился со смотра войскамъ и сталъ обходить гминныхъ войтовъ. Его сопровождали фельдмаршалъ графъ Бергъ и Яковъ Александровичъ Соловьевъ. Графъ Бергъ представлялъ Государю губернаторовъ и предсѣдателей комиссій; за разными объясненіями Государь обращался къ Соловьеву. Государь высказывалъ губернаторамъ и предсѣдателямъ по нѣсколько ласковыхъ словъ и предлагалъ одному изъ нихъ представить гминныхъ войтовъ. Когда Государь подошелъ къ Калишской губерніи, графъ Бергъ навелъ ему князя Щербатова и меня. Князю Щербатову Государь сказалъ: „Старый знакомый!“ и протянулъ ему руку. На меня Государь внимательно взглянулъ и ласково произнесъ: „Изъ гвардіи“! Я отвѣчалъ: — Точно такъ, Ваше Императорское Величество. Офицеръ лейбъ-гвардіи конной артиллеріи, батареи Имени Нашего Императорскаго Величества. Государь сказалъ: „Помню! представь мнѣ гминныхъ войтовъ“! — Первымъ стоялъ нѣмецъ; я назвалъ его и добавилъ о заслугахъ его. Государь ласково поблагодарилъ его, но съ удивленіемъ спросилъ меня: „Но, отчего же онъ во фракѣ? Онъ землевладелецъ, крестьянинъ?“ — Я объяснилъ, что гмина его граничитъ съ Пруссіей, онъ колонистъ, земленашецъ, нравы нѣмецкіе. Другой гминный войтъ прошелъ незамѣтно. Государь еще разъ поблагодарилъ гминныхъ войтовъ, поручилъ имъ передать его поклонъ населенію ихъ гминъ и протянулъ имъ руку, которую они конечно благоговѣнно поцѣловали. Когда Государь обошелъ

всѣ группы гминныхъ войтовъ, онъ поручилъ Соловьеву попросить председателей комитетовъ подойти къ нему. Мы конечно поспѣшили приблизиться къ Государю. Онъ сказалъ, примѣрно, слѣдующее:

— Я знаю, господа, какой трудъ вы и комиссары исполнили, цѣню его и радъ возможности лично высказать вамъ это. Въ Парижѣ я видѣлъ ближайшаго вашего руководителя, Николая Алексѣевича Милютина. Я посѣтилъ его, чтобы утѣшить его и лично убѣдиться въ положеніи его здоровья. Къ сожалѣнію, долженъ сказать вамъ, что на поправленіе его и возвращеніе къ дѣятельности нѣтъ никакой надежды. Онъ очень слабъ, почти не владѣетъ своими членами, говоритъ съ трудомъ, парализъ во всей силѣ; но голова свѣжа! Просилъ меня передать вамъ его поклонъ. При этомъ Государь наклонилъ голову свою. „Я очень огорченъ этою потерей. Я лично, вся Россія, много теряемъ въ этомъ человѣкѣ“.

Затѣмъ онъ вполголоса передалъ Соловьеву какія-то подробности о Милютинѣ, сказалъ намъ прощальное привѣтствіе и удалился во дворецъ. Это представленіе Русскому Государю произвело на крестьянъ очень благотворное, сильное впечатлѣніе. Государь вызвалъ къ себѣ нѣхъ несчастныхъ, униженныхъ панями хлоповъ. Государь лично говорилъ съ ними, они цѣловали его руку. Подъемъ духа былъ громадный, обезпечивалъ надолго невозможность какого-либо революціоннаго движенія со стороны шляхты.

Русское общество въ Варшавѣ просило Государя пожаловать къ нему въ Русское Собраніе на балъ. Государь Императоръ принялъ эту просьбу. Закинула работа! Громадное помѣщеніе Собранія въ недавно конфискованномъ домѣ графа Замойскаго, подаренное Государемъ Русскому Собранію, было изящно убрано, освѣщено. Русскіе люди съѣхались сюда ко дню бала со всѣхъ концовъ Польши; поляки отсутствовали. Не помню—приглашали ли ихъ; кажется, приглашали кого-то. На балу я видѣлъ только одного поляка маркиза Велепольскаго, который явился однако на балъ въ форменномъ вицъ-мундирномъ фракѣ, а не въ черномъ бальномъ фракѣ. Всѣ замѣтили это желаніе его показать, что онъ исполняетъ служебный долгъ, а не радостно встрѣчаетъ своего Государя. Говорятъ, что русскіе люди не постыдились высказать это; говорили, что онъ пассивно выслушалъ это и молча отошелъ на другой конецъ зала. Страсти въ эти минуты были очень взволнованы; за нѣсколько дней передъ тѣмъ, полякъ Березовскій сдѣлалъ

въ Парижѣ покушеніе на жизнь русскаго Императора. Пожалуй, что Веленцольскому лучше было отмалчиваться, а польскимъ аристократамъ приличіе было не явиться въ Русское Собраніе. Дамъ въ Собраніи было однако очень много; все жены, сестры, дочери русскихъ служащихъ въ Польшѣ.

Государь пробылъ на балу около часу, все время разговаривалъ съ разными лицами, былъ милостивъ, веселъ.

Все лѣто 1868 года шла дѣятельная работа въ крестьянскихъ комиссіяхъ: спѣшили оканчивать повѣрку ликвидаціонныхъ табелей. Къ зимѣ осталось дѣйствительно очень немного непровѣренныхъ. Можно было съ увѣренностью сказать, что лѣтомъ 1869 года повѣрка ликвидаціонныхъ табелей будетъ совершенно окончена безъ особыхъ усилій. За то, въ центральной комиссіи и въ мѣстныхъ крестьянскихъ комиссіяхъ собралась такая масса непрсмотрѣнныхъ ликвидаціонныхъ табелей, что теперь надо было увеличить личный составъ крестьянскихъ комиссій. Въ Калишской комиссіи я усиллъ рабочія силы комиссіи, вызвавъ туда двухъ опытныхъ комиссаровъ, а участки ихъ я поручилъ двумъ добавочнымъ комиссарамъ, комиссары эти просматривали находящіяся въ комиссіи ликвидаціонныя табели и докладывали замѣченное двумъ моимъ товарищамъ, какъ я нѣкогда докладывалъ Горлову въ центральной комиссіи, у насъ бывали ежедневныя засѣданія и дѣло подвигалось быстро.

Какъ это бываетъ и дѣлается всегда, вездѣ, участковые комиссары выбрали, всѣ прошлые годы, для повѣрки болѣе легкія ликвидаціонныя табели; тѣ, гдѣ встрѣчались сложные вопросы, требовавшіе большей опытности и труда, откладывались. Теперь очередь дошла до этихъ трудныхъ табелей, комиссарамъ и крестьянскимъ комиссіямъ пришлось привадуматься надъ многими вновь выступившими сложными вопросами мѣстной жизни. Такихъ затруднительныхъ вопросовъ накопилось такъ много, что, послѣ Рождества, я повхалъ въ Варшаву, просить у центральной комиссіи указаній по этимъ дѣламъ. Цѣлый вечеръ мы толковали о нихъ съ Горловымъ. Онъ рѣшилъ: въ ближайшее засѣданіе доложить центральной комиссіи о встрѣченныхъ мною затрудненіяхъ. Горловъ рассказалъ мнѣ, что центральная комиссія также затруднилась надъ разрѣшеніемъ кое-чего въ ликвидаціонныхъ табеляхъ и уже представленныхъ ей изъ Калишской комиссіи. Въ засѣданіи центральной комиссіи я доложилъ все затрудняющее меня; разъ-

яснилъ, что въ числѣ ликвидационныхъ табелей, еще лежащихъ неразмотрѣнными въ Калишской комиссіи, есть нѣсколько новыхъ сложныхъ дѣлъ, что они не были размотрѣны комиссіею ранѣе, потому что происходятъ отъ сложныхъ юридическихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ, живущихъ на границѣ Пруссія, и крестьяне заявили о нихъ только теперь.

Центральная комиссія рѣшила: въ виду большого числа вопросовъ, которые надо обсудить и обследовать на мѣстѣ, командировалъ М. П. Горлова въ Калишъ и просить его: разрѣшить все это на мѣстѣ, совместно съ членами Калишской крестьянской комиссіи.

Не прошло и недѣли послѣ этого, какъ Горловъ прибылъ въ Калишъ. Его сопровождали два чиновника, подготовлявшіе ликвидационныя табели для размотрѣнія доклада ихъ Горловымъ въ центральной комиссіи, какъ нѣкогда дѣлалъ это я. Съ прїѣздомъ Горлова установился такой порядокъ: три раза въ недѣлю бывали, по введенному мною порядку, засѣданія Калишской крестьянской комиссіи; просмотрѣнные нами ликвидационныя табели докладывались въ остальные три дня недѣли Горлову: и въ общемъ нашемъ засѣданіи разрѣшались окончательно всѣ затруднительные вопросы. Кромѣ того въ этихъ засѣданіяхъ разрѣшались вопросы по ликвидационнымъ табелямъ, которыя Горловъ привезъ изъ Варшавы. Въ засѣданіяхъ нашихъ участвовали я, два мои товарища и мѣстный комиссаръ, табели котораго-разсматривались. Товарищъ мой и мѣстный комиссаръ, разбиравшіе сложные дѣла на мѣстѣ, докладывали ихъ теперь и давали объясненія. По нѣкоторымъ табелямъ пришлось дѣлать новое, дополнительное разслѣдованіе на мѣстахъ. По окончательномъ разборѣ всего, ликвидационныя табели съ подробными протоколами посылались въ центральную комиссію, гдѣ обыкновенно безспорно онѣ утверждались. Горловъ пробылъ въ Калишѣ полтора мѣсяца; за это время мы пересмотрѣли не только все, что было затруднительнаго, а всѣ рѣшительно провѣренныя комиссарами ликвидационныя табели. По Калишской губерніи повѣрка ликвидационныхъ табелей была окончена не только комиссарами на мѣстахъ, но и Калишской крестьянской комиссіею и центральной комиссіею. Осталось табелей пятьдесятъ, которыя должны были быть провѣрены въ первую половину лѣта 1869 года.

Еще въ Варшавѣ, ознакомившись въ 1866 году съ Михаиломъ Павловичемъ Горловымъ, я одѣялъ его высоко. Теперь, проводя съ нимъ 6 недѣль въ ежедневныхъ сношеніяхъ, за

тяжелую работу, я полюбилъ еще больше этого человека. Меня особенно поражала въ немъ ясность ума, необыкновенное терпѣніе, снисходительность къ другимъ, твердая настойчивость въ мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ. Не только я, всѣ члены комиссія уважали его въ высшей степени и дружески разстались съ нимъ.

Лѣтомъ 1869 года задача Калишской крестьянской комиссія была исполнена; всѣ ликвидаціонныя таблицы составлены, проверены; крестьянское самоуправленіе введено и поставлено на твердую почву. Осенью, въ одинъ изъ пріѣздовъ моихъ въ Варшаву, Яковъ Александровичъ Соловьевъ сказалъ мнѣ въ разговорѣ, что предполагается 1 января 1870 года передать крестьянскія комиссія въ вѣдѣніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Крестьянскія комиссія будутъ преобразованы въ губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія: веденіе ихъ будетъ поручено губернаторамъ; въ губернское присутствіе назначенъ будетъ *неизменный членъ*, которому поручено будетъ ближайшее наблюденіе за крестьянскимъ дѣломъ въ губерніи и канцелярская часть. Предсѣдателя комиссія и ихъ товарищи будутъ оставлены за штатомъ съ сохраненіемъ содержанія и правъ службы на два года. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ передалъ мнѣ слѣдующее: члену учредительнаго комитета Маркусу поручено открыть во всѣхъ губерніяхъ Царства Польскаго казенныя палаты. Озабоченный присканіемъ въ управляющіе казенными палатами русскихъ людей, знакомыхъ съ Царствомъ Польскимъ, Маркусъ просилъ Якова Александровича передать предсѣдателямъ крестьянскихъ комиссія принять мѣста управляющихъ казенными палатами. Соловьевъ совѣтовалъ мнѣ: переговорить съ Маркусомъ и принять эту должность, какъ самостоятельную и почетную. Черезъ короткое время я получалъ отъ Маркуса официальное письменное предложеніе принять должность управляющаго вновь открываемою въ Калишѣ казенною палатою.

Я нѣсколько дней обсуждалъ въ умѣ своемъ: принять это предложеніе, или отказаться отъ него? Мнѣ было 35 лѣтъ; занять въ эти годы такое опредѣленное, постоянное служебное положеніе, конечно, было выгодно и лестно. Обыкновенно чиновники добиваются такого поста къ годамъ пятидесяти. Съ другой стороны—это обязывало на много лѣтъ еще остаться въ Польшѣ, гдѣ мнѣ все было чуждо, враждебно. А дома, въ Смоленскѣ, Петербургѣ, у меня были родные, друзья, товарищи; меня манила служба общественная—въ земствѣ, по дворянскимъ

выборамъ, съ которой я ознакомился близько въ 1863—1864 г. Я былъ холостъ: чины, ордена не прельщали меня; средствъ на жизнь мнѣ давало достаточно имѣніе мое; сверхъ того, оставаясь за штатомъ, я обезпеченъ былъ на два года содержаніемъ по 4.000 рублей въ годъ. Я рѣшилъ: возвратиться въ Россію, въ свое имѣніе, заняться имъ. А если современное направленіе земства, дворянства будетъ мнѣ по душѣ, принять участіе въ ихъ дѣятельности. Я полагалъ, что, прослуживъ шесть лѣтъ въ Западномъ краѣ и Польшѣ, я исполнилъ долгъ самоотверженія въ отношеніи Россіи.

Когда я объявилъ мое рѣшеніе Якову Александровичу, онъ не одобрилъ его, покачалъ головою и сказалъ:

— Вы увлекаетесь! Пожалѣйте современемъ.

Послѣднее полугодіе 1869 года Калишская коммиссія занималась почти исключительно разсмотрѣніемъ обжалованій рѣшеній гминныхъ судовъ по гражданскимъ дѣламъ; ихъ оказывалось очень много. Канцелярія коммиссіи приводила въ порядокъ дѣла, для передачи въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе. Соловьевъ просилъ меня помочь ему въ выборѣ непремѣннаго члена для Калишскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Я указалъ ему на князя Голицына и на Федора Павловича Берхольца. Предубѣжденіе Соловьева противъ князя Голицына продолжалось; онъ выбралъ Берхольца.

Федоръ Павловичъ былъ молодой человекъ, нѣмецъ только по фамиліи, уроженецъ Москвы, если не ошибаюсь. Не помню, гдѣ онъ учился, но это былъ образованный человекъ. Онъ былъ комиссаромъ въ Конинѣ съ первыхъ дней учрежденія крестьянской коммиссіи, пользовался уваженіемъ своихъ товарищей.

Въ половинѣ декабря я получилъ форменное извѣщеніе о передачѣ дѣлъ Калишской коммиссіи по крестьянскимъ дѣламъ вновь учреждаемому Калишскому губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію и о закрытіи коммиссіи съ 1 января 1870 года. Порученіе это я исполнилъ, и 1 января 1870 года служба моя въ Царствѣ Польскомъ была окончена.

Я уважалъ изъ Царства Польскаго съ добрыми воспоминаніями, съ любовью къ дѣлу, которымъ я занимался 4 года, съ уваженіемъ, признательностью къ людямъ, съ которыми работалъ, жилъ. Я увозилъ сознаніе, что я лично, всѣ мы, добросовѣстно исполнили свой долгъ, довели порученное намъ дѣло

до намѣченнаго конца. Когда я пріѣхалъ въ Польшу, она еще волновалась, кое-гдѣ бродили еще шайки повстанцевъ. Крестьяне недоувѣрчиво приглядывались: чѣмъ кончатся обѣщанныя имъ свобода, надѣленіе землею? Теперь многомилліонная толпа крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ получила все обѣщанное; вполнѣ, налѣки, образовала общество, независимое отъ шляхты, душою и тѣломъ преданное русскому правительству. Шляхетство поняло, что налѣки лишилось возможности обирать крестьянъ, силою заставляя ихъ воставать противъ Россіи. У русскаго правительства образовалась громадная, несокрушимая опора въ лицѣ крестьянъ, которые сознаютъ, что получили отъ Россіи свободу, права, землю, все, все! Утѣшительно было сознавать, что это сдѣлано нами, умственнымъ трудомъ, силою воли, образованіемъ, а не кулакомъ, не палкою.

Очень многіе первостепенные дѣятели, создатели этой преобразованной Польши уже удалились изъ нея: Милютинъ, Самаринъ, князь Черкасскій, Кошелевъ. Въ скоромъ времени предстояло закрытіе учредительнаго комитета въ Царствѣ Польскомъ; тогда и остальные главари, создатели преобразования уйдутъ отсюда. Польша исчезнетъ, будутъ только 10 русскихъ губерній на западной окраинѣ Россіи. Имена тѣхъ, кто измыслилъ это преобразование, руководилъ его, будутъ вспоминаться, они принадлежатъ исторіи Россіи. Мы, члены крестьянскихъ комиссій, комиссары, второстепенные дѣятели, не порадемъ въ исторію, именъ нашихъ не будутъ знать, но сдѣлали мы историческое дѣло. Исторія будетъ вспоминать крестьянскія комиссіи, будетъ рассказывать о ихъ трудахъ, борьбѣ, и общее ихъ имя *комиссія по крестьянскимъ дѣламъ* всегда будетъ вспоминаться въ исторіи.

Николай Полевой.

